

О Л Е Т

Р О И

ТРИ СУДЬБЫ

Три цвета любви

Олег Рой

Три судьбы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Три судьбы / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2020 — (Три цвета любви)

ISBN 978-5-04-112713-8

Начать все с чистого листа, в другой стране, по чужим документам и с солидным счетом в банке – возможно ли это? Валентин Гест, успешный бизнесмен, инсценировал свою гибель, не заботясь о чувствах близких. Его ждала новая любовь и свобода от груза прошлого. В жизни Геста было три значимых женщины. Леля – солнечный зайчик, тонкая, легкая, золотистая, но совершенно бесплотная. Мия – бриллиант с безупречными сверкающими гранями, обжигающий то как огонь, то как лед. И... Аля, похожая на туман, живой и неуловимый. Именно она сыграла в его судьбе роковую роль.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112713-8

© Рой О. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Рой

Три судьбы

© Резепкин О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

© conrado, MaxFrost, Vladimir Sukhachev / Shutterstock.com

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Федор Тютчев

Он вдруг подумал, что Седов – это вовсе не беспомощный, никчемный неудачник. Так же какой-то знаменитый корабль назывался. Ледокол, кажется. А значит, и человек был не из последних уж точно, раз в его честь корабль назвали.

Он найдет ее, непременно найдет! Иначе и быть не может.

Только бы отыскать, только бы вдохнуть еще раз этот неуловимый, неопределимый запах!

Догнать, прижать, взглянуть в прозрачную серо-зеленую воду ее глаз. И смотреть, смотреть, смотреть – пока дыхание не иссякнет...

1

*Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески живой?*

Федор Тютчев

«Погубят тебя девицы, – поджав тонкие суровые губы, цедила мать, – все твои беды от них».

Хотя какие там беды?

Единственное, что действительно портило жизнь, так это имя, которым она его наградила. Валентин! Тьфу! Пухлое, аморфное, абсолютно бабское. Нет бы назвать сына Кириллом или попросту Ваней. Да хоть Мефодием! Или Тарасом, как отец хотел – в честь своего деда, лихого красного конника из армии Буденного. Но мать считала, что Тарас Григорьевич напрямую ассоциируется с Шевченко и рядом с фамилией Гест звучит странно. И настояла на имени Валентин. В честь, подумать только, Валентины Терешковой! Которая, к слову, совершила свой великий подвиг задолго до рождения Валентина. «Великий подвиг» – так говорила мать. И еще: «Ее пример – неоспоримое свидетельство абсолютного превосходства советского строя над любым другим». На строй Валентину было по малолетству глубоко плевать, а вот имечко доставало изрядно.

Безжалостные пацаны – сперва во дворе, потом в школе – дразнили его Валькой-Лялькой и, конечно, тетей Вале. Была такая ведущая в малышовой телевизионной передаче. «Спокойной ночи, девочки и мальчики!» – издевательски пицал то один, то другой, передразнивая прилагавшихся к телевизионной тете Вале кукол. На этом фоне придуманный кем-то Валенок звучал вполне приемлемо. Хотя тоже обидно. Валентин даже мечтал, что, когда вырастет, непременно поменяет ненавистное имечко. Школьная библиотекарьша сказала, что это можно сделать в шестнадцать лет, когда придет пора получать паспорт.

Но к старшим классам дразнилки иссякли и вообще все как-то устаканилось. Так он и остался при Валентине, не хотелось с матерью лишней раз скандалить. Ясно было, что конфликт выйдет очень и очень долгоиграющим, смена имени станет еще одной темой для бесконечных нотаций.

Мать очень старалась «вырастить достойного члена общества» и самым действенным методом считала вдумчивые, подробные разъяснения того, «что такое хорошо и что такое плохо». Других пацанов наказывали: лишали прогулок и прочих радостей существования, некоторых даже и ремнем прикладывали, но мать подобные методы считала недопустимыми. Зачем еще дана человеку речь, как не для объяснений? Поводом для очередной лекции могло быть что угодно: брошенные посреди прихожей ботинки или, боже упаси, двойка по истории.

– Ты же понимаешь, – проникновенно вещала она, – что о ботинки кто-то мог споткнуться, а главное, окружающий беспорядок влечет за собой и беспорядок внутренний, поэтому будь добр, сделай все как положено.

Плохие же оценки («четверка» была терпимой, все, что ниже, – недостойным) влекли за собой «проверки». Приходилось долго и муторно пересказывать все заданное на завтра. Мать слушала терпеливо и внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы, а в финале тепло улыбалась:

– Видишь, и самому приятно, когда готов, и не придется чувствовать себя тупицей.

Поэтому в школе у Валентина проблем не было. И ботинки он перестал разбрасывать лет с восьми.

Хуже, что лекции о «хорошо и плохо» вообще не требовали повода. Это называлось «поговорить по душам». Отец никогда не пытался ничего такого. А она – постоянно. Со стороны это, наверное, выглядело идеальным семейным вечером: теплая кухня, вкусный свежий чай, мать и сын подле безукоризненно чистого стола... Иногда бывало даже интересно: когда она принималась рассказывать о «героических подвигах людей на благо общества», особенно если речь шла не о военных подвигах (чего про них рассказывать, и так все ясно), а, к примеру, о научных. О врачах, испытывавших на себе все подряд, о Менделееве, увидевшем свою знаменитую таблицу во сне.

– Но ты же понимаешь, – мать качала головой, – что перед тем он двадцать лет упорно и сосредоточенно думал о способах классификации химических элементов? Сам по себе даже сон никому не приснится, сперва – упорная работа и только потом – удача.

Валентин понимал, но все равно с интересом слушал. Хотя чаще темы разговоров были глупыми. Например, про «девиц». Слово было грубоватое, для матери совершенно не характерное, но, похоже, она всерьез опасалась, что возрастные гормональные бури отвлекут сына от «достойного» пути.

Смешно.

Нет, он не был, конечно, монахом. Девочки – девушки, женщины – ему нравились. Очень даже нравились. Но делать их центром жизни? Глупо и даже скучно. Или, как некоторые из приятелей, рисовать звездочки на спинке кровати? Да еще и кичиться их количеством? Вроде охотника из сказочного фильма:

– А хотите убить сотого медведя?

– Медведя? Сотого?! Заманчиво.

Охотнички! Если ты занимаешься «этим» для удовольствия (а для чего еще?), то за каким веником подсчитываешь «подходы к снаряду»? А если тебе нужен подсчет, то какое тогда удовольствие? Чем это отличается от тягания, к примеру, штанги?

Так что «девиц» у Валентина было не сказать чтобы много, не о чем беспокоиться. Но мать, разумеется, знала лучше. Она всегда все знала лучше.

Если бы она действительно знала!

С «удовольствиями» его познакомила Танька-шалава с соседней улицы. Не то чтобы она считалась совсем уж гулящей, но заполучить ее оказалось нетрудно. Ей было тогда лет девятнадцать, что ли. Ему – тринадцать. Впечатления от торопливого процесса в подвальном закутке остались... сложные. Приятно, спору нет, но – было бы из-за чего огород городить. Почти как в пошлом анекдоте про «слабое подобие левой руки». Хотя анекдот, конечно, преувеличивал. С живой женщиной было куда вкуснее, сочнее и насыщеннее, чем «тихо сам с собою». Даже с Танькой-шалавой. Ну и плевать, что ее только ленивый не поимел. Она была симпатичная и держала себя в чистоте. Заниматься «этим» без презерватива отказывалась наотрез. И пахло от нее приятно.

Впрочем, приятно пахло от многих – хотя некоторые, это было особенно заметно в летних автобусах, норовили вылить на себя чуть не ведро духов. Лучше всего пахли те, кто духами (или чем там еще они поливаются?) вовсе не пользовались – запах чистого, пусть даже слегка вспотевшего тела (у каждой разный, вот чудеса!) будоражил куда сильнее любой парфюмерии. Красивых было меньше, но тоже хватало.

А с некоторыми даже удавалось поговорить!

* * *

Леля была лучше всех! Тонкая, легкая, золотистая! Как пробившийся сквозь листву первый утренний солнечный зайчик. И запах у нее был такой же. Легкий, прозрачный, свежий. Как разнотравный луг ранним утром, когда солнце не успело еще разогреть, насытить воздух тяжелой вязкой духотой. Когда слышно еще, как на границе луга и леса звенит легонько почти невидимый в тени родник...

И тянется к нему, как будто крадучись, еще одна струна запаха – странная, дикая, пряная. Словно не солнечный зайчик пробежал – словно тигр приходил к водопою. Хотя какие могут быть тигры в наших-то лугах или даже лесах? Но запах – запах был! И неуместная эта нотка особенно будоражила.

Он погладил узкие золотистые планки – дверь была «наборная», такая же, как в их с матерью и отцом квартире. Только в их подъезде пахло обыкновенно: пылью или влажным камнем, смотря по тому, когда делали уборку, борщом или тушеной капустой, да еще тяжелым цветочным амбре – соседка сверху предпочитала густые, чуть не вязкие духи. После ее шествия по лестнице в подъезде долго-долго висела тяжелая и как будто липкая «туча». А возле Лелиной двери парило невидимое, но осязаемое облачко – легкое, свежее, острое. Недолго, через минуту-две развеется, однако уходить все равно было жалко. Словно Леля еще тут!

Он представил, как там, внутри квартиры, она, балансируя то на одной ноге, то на другой, сбрасывает туфли, морщится, растирает усталые от каблуков ступни. Он говорил, что лучше ботинки, апрель – не июнь, вечером холодно, но она уперлась: как ты не понимаешь, это же Мариинка! Смешная Лелька. Ну премьеры, и что. В антракте, на променаде в фойе, через одного – тренировочные (или очень на них похожие) штаны и кожаные куртки, бордовые пиджаки и сверкающие лаком ботинки! Довершали великолепие тяжелые золотые цепи и почти такие же массивные серьги и ожерелья у «дам». А ведь совсем, кажется, недавно, визит в оперу, да и вообще в театр, считался событием торжественным, ради этого из гардеробов доставались лучшие костюмы и платья, обувь начищалась до зеркального блеска. Но лакированных ботинок он не помнил, тем более в сочетании с тренировочными штанами. И эта смесь запахов – бррр! Мариинка, как же! Средоточие культурной жизни культурной, черт побери, столицы!

Спохватился: что это я тут стою? Скатился с четвертого этажа чуть не кубарем, прыгая через две ступеньки. Выскочил из подъезда, задрал голову: может, Леля выглянет? Такое случилось. Но сейчас третье справа окно – узкое, кухонное – было темным и безжизненным. Наверное, ее сразу к домашним делам припахали. Отчиму-то плевать, конечно, а вот матушке вполне может приспичить, к примеру, перевесить занавески – а то как-то мрачно. И Леля, улыбнувшись, примется за дело. Или, пока Валентин там под дверью ароматы нюхал, она уже выглядывала? И решила, что он ушел. А он, видите ли, задумался! Жалко.

Подъездная дверь внезапно загрохотала, распахнулась, бухнула по кирпичному «косяку». Леля выскочила на крылечко – в резиновых туфельках-«галошках», в которых бегала к мусорным пухто, в халатике, – подскочила к нему, поцеловала, прижалась, тут же вывернулась и нырнула обратно в подъезд.

Он постоял еще немного, сгоняя с лица непрошеную улыбку, вспоминая анекдот, недавно слышанный от Дима. Если есть где и есть чем, но не с кем – это драма, если есть где и есть с кем, но нечем – трагедия, а если есть с кем и есть чем, но негде – тут уже комедия. Действительно, комедия. В штанах стало тесно, он прикрыл глаза, вспоминая горячее Лелино тело под тонким халатиком. И голые коленки... И запах, запах...

Хватит, одернул сам себя. Тебе еще через полгорода топать. Вдобавок (он взглянул на часы – ого-го, сколько натикало) короткий маршрут отменяется. Поглядел еще раз, выгибая

запястье, – любовался. Часы были модные, недешевые, он ими слегка гордился – я вам не какой-то там нищий студентшко, я крутой паренек. Часы достались почти случайно – как трофей с преферансного «матча» между питерским универом и... он уже не помнил, кто еще участвовал в том «поединке». Неофициальном, разумеется, но проводились такие встречи более-менее регулярно, и, что греха таить, позволяли вести вполне сносное существование. Разве может студент повести свою девушку на премьеру в Мариинку? А он вполне мог. Преферансистом Валентин был отличным: память, умение быстро считать и – да, чувствительность к запахам тоже выручала. Нередко он просто «читал» если не мысли противников, то их эмоции: страх, надежду, уныние. Одно дело, если человек перед третьими распасами благоухает спокойствием, и совсем другое – если сомнениями, что означает: у тебя есть шанс. Чутья шансы – и ловить их – Валентин умел.

В конце концов, секрет любого успеха в чем бы то ни было – умение принимать решения. И не только верные, но и вовремя.

Перед поступлением в универ, кстати, когда колебался между физфаком и химфаком, именно обоняние стало решающим аргументом в пользу химфака. Кто знает, может, выбрал бы физфак, так и в преф играть не выучился бы. А так все сложилось прекрасно. Отличный способ подработать. Иначе пришлось бы вагоны разгружать или контейнеры в порту тягать. Нет, он не возражал против физического труда, но зарабатывать «головой» гораздо приятнее. Отрадно сознавать, что ты умнее многих. Большинства даже. Поднимает самооценку.

Главное – не сильно заноситься, судьба, или кто там еще рулит, быстро напомним, что и как. Ах, ты весь умник-разумник? Так как же тогда ухитрился упустить из виду график развода мостов? Мыслитель! Профессор кислых щей! Он поругивал себя весело, без капли огорчения. Ну да, забыл, и что? Влюбленные часов не наблюдают, как не преминула бы сказать Леля, вечно сыпавшая цитатами, – филолог! Но ему даже бесконечные цитаты нравились. Ему все в ней нравилось. Особенно то, как она смотрит... словно он – волшебник! Да, дорогой волшебник, никуда не денешься, придется давать крюк. В метро уже не успеть, денег на такси не осталось. Дома-то еще есть, но ему жаль было потрошить «основную» заначку, а все второстепенные он выгреб. За билеты пришлось выложить сумму какую-то астрономическую – спекулянты (теперь их называли коммерсантами!) совсем берега потеряли. Ай, ладно! Оно того стоило. Его самого ни опера, ни балет не заводили, но Леля, Леля... Два гляцевых прямоугольничка заставили ее глаза распахнуться так, словно она увидела как минимум утраченный подлинник «Слова о полку Игореве». Валентин до самого сегодняшнего вечера ходил, пряча улыбку, и чувствовал себя так, точно головой задевает облака. Пусть они в Питере и низкие, но все-таки.

В общем, такси отпадает. Да и откуда бы оно сейчас взялось? Такси в это время суток все у вокзала или в Пулковке кучкуются. Частник же случайный, может, и остановился бы, будь Валентин согбенной старушкой, но он-то, вовсе наоборот, высокий плечистый парень. А времена нынче лихие.

Пустяки на самом деле. Он бы и не пять лишних километров сейчас прошагал, а все двадцать пять. «Задевая головой облака, ага», – подумал он и чуть не засмеялся. Какие милые глупости в голову лезут: то согбенная старушка, то шагающий по городу великан. «Шампанское» настроение. Когда без всякого алкоголя внутри бурлят золотистые звонкие пузырьки. И ты такой легкий, как эти пузырьки, и все-все можешь! Это Леля тому причиной! Если бы она не на секундочку выбежала, он бы сейчас и колесом прошелся!

Мать, конечно, начнет опять нудить: разве можно, у тебя государственные экзамены на носу, тебе не по девицам надо бегать, а заниматься. А ты! «На электричке еду», – автоматически цитировал он мульттик. Мать распалаясь еще сильнее – как можно шутить такими вещами! Она и вместо «госы» говорила «государственные экзамены» – из почтения. Как будто теперешняя жизнь оставалась той, к которой она привыкла.

В «той» жизни от диплома и госов зависело качество распределения: в приличное место пошлют или в глухомань какую-нибудь, технологом на производство – этим, говорят, когда-то пугали нерадивых студентов. Потому что все, разумеется, мечтали о НИИ или проектном каком-нибудь институте: молодой специалист, просто специалист, ведущий специалист, кандидатская, начальник отдела... венки с соболезнованиями от коллег и некролог в ведомственной газетке.

Собственно, и сейчас ничто не мешает, осчастливив мать, пристроиться в какой-нибудь НИИ. Распределение отменили, лети, молодой специалист, куда желаешь. В НИИ – да пожалуйста! Только что ты там кушать станешь, специалист свежее испеченный? Брать отпуска за свой счет и мотаться челноком за турецкими кожаными куртками? Потому что зарплату дадут неизвестно когда, да и сколько там той зарплаты? Нет, НИИ и тому подобные ГИПРО – не вариант. Что вариант – Валентин и сам еще не знал.

Торговать? Как некоторые, одной бесконечной партией компьютеров – «живые, в ангаре под Новосибиром, мамой клянусь! десять тысяч штук! белая сборка!» Почему-то в этой мифической партии, о которой слухи ходили уже чуть не год, всегда «было» десять тысяч штук, но никому из «продавцов» даже в голову не приходило, что «ангар под Новосибиром», забитый компьютерами, – это бред. Или они только вид делали? Без лоха и жизнь плоха? Нет уж, эти «дельцы» пусть без него крутятся.

«Светить» же профессиональные свои навыки тоже не слишком хотелось. Оно, конечно, какие-нибудь нефтяники хорошему химику вполне приличную жизнь обеспечат. Да только пока до них по знаменитой цепочке «семь рукопожатий» доберешься, тебя десять раз в дела куда похуже затащат, заставят наркоту варить или взрывчатку. И сколько ты на этой дорожке проживешь? Нет, не вариант.

Или вспомнить тренировки в юношеской секции? Степан Анатольевич натаскал своих «курсантов» знатно, обучив не столько карате, сколько навыкам «уличного» боя и прочей «рукопашке», а главное – умению оценивать «боевую» ситуацию. В какое-нибудь охранный агентствo толкнуться? Но там наверняка стрелковые навыки потребуются, а стрелял Валентин плохо. Да и какой он «боец»? Этот вариант, пожалуй, еще хуже, чем с химией...

Ай, ладно, подвернется что-нибудь! Шансы всегда есть, главное – клювом не шелкать.

И, к слову, ночная прогулка через Питер – тоже в некотором смысле шанс. Как в той смешной поговорке: время, потраченное с удовольствием, потраченным зря считаться не может. Да, ночная прогулка – далеко не самое плохое, что может случиться в жизни. Так что радуйся, молодой специалист, тому, что здесь и сейчас. Редким фонарям, то желтым, то мертвенно-голубоватым, далекому собачьему лаю в остром влажном воздухе. Небу над головой – не черному, а бледно-серому. До белых ночей еще не одна неделя, но город уже словно готовился к ним. Тренировался.

* * *

Вырвавшийся из-за спины свет фар сверкнул ярче молнии, и почти сразу, как бывает, когда гроза бушует прямо над головой, оглушительнее грома ударил по нервам скрежет тормозов...

Валентин отшатнулся, по глазам полыхнул хищный блеск черного лака – бумер обогнул его, почти коснувшись, затормозил резко, скрежетнул недовольно.

– Ты! – Выскочивший из машины парень разразился длинной тирадой, цензурными в которой были только предлоги. Кожаная куртка лаково поблескивала на неправдоподобно выпуклых плечах.

– Прости, задумался, – миролюбиво улыбнулся Валентин. «Бык» возвышался над ним почти на голову.

– Че прости, че прости! Надо было тебя по тумбе размазать! Гляди, поцарапал! – Кожаный громила наступал мелкими шажками вдоль вставшей наискось машины, одновременно тыкая в сверкающее черное крыло. – Ты понял, мужик, что попал? Теперь всю жизнь не расплатишься.

Черный лак переливался ровно, никакой царапины там не было, но – доказывать? По бритой башке лениво скользили блики – чисто бильярдный шар. И мозгов там, видимо, примерно столько же. Валентин потихоньку прикидывал: свалить кожаного подсечкой, выигрывая время, или сразу сделать ноги? И в какую сторону...

– Погодь, – из задней двери бумера появился еще один. Помельче, даже Валентина ниже на полголовы, но не в кожаной куртке, а в хорошо пошитом костюме. Не то бежевом, не то сером, в неверном свете фонарей и фар выглядевшем очень светлым. – Замри, я сказал, – негромко, почти лениво, скомандовал он бритому.

Тот осекся на полуслове, послушно застыв.

Валентин почувствовал, как по спине поползла ледяная струйка. И запах воткнулся в ноздри, невзаправдашний, но оттого еще более жуткий – запах крови. Да, тут уж не про мифическую царапину на бумере речь. Им – этим – не нужен повод. Им добыча нужна. Или велют бежать – чтоб развлечься, стреляя по движущейся мишени, или, что еще вероятнее, оглушат, сунут в багажник, отвезут в загородный склад, к таким же... заставят драться... Он слышал о подобных боях. Парни – молодые, с хорошей «физикой» – пропадали. Некоторых потом вылавливали из Невы – мертвых, конечно. Не утонувших – избитых до состояния бифштекса. Но большинство так и оставались в «пропавших без вести»... Этот вот, в отличном костюме, вполне мог оказаться хозяином одного из «рингов». Или собственного бойца хотел выставить... Вон как оценивающе разглядывает... И лицо, исполосованное бликами и тенями, напоминает рожу индейца в боевой раскраске...

Через несколько секунд «индеец» чуть нахмурился:

– Гест? Ты, что ли?

* * *

– Гест! – Степан Анатольевич кивнул на пацана в блекло-синей ветровке. – Вот тебе новичок, покажи ему раздевалку, выдай ключ от шкафчика, объясни правила, ну как всегда, сам знаешь.

Народу по дневному времени было немного: большинство «курсантов» (так именовал их тренер) учились во вторую смену. Вот к вечеру подсоберутся, а сейчас не больше десятка. Кто-то у шведской стенки тянется, кто-то отжимается, двое в углу спарринг изображают. Бездельников тренер на дух не переносил. Валентин вообще-то собирался поработать с ударным мешком. Но новичок, значит, новичок.

– Погоди, – остановил его Степан Анатольевич и опять повернулся к пацанчику. – Вечно забываю. У тебя документ есть какой-нибудь, новичок?

– Документ? Нет... Я еще...

– Не дорос до паспорта? Это понятно. Но в журнал-то я должен что-то записать? Ну... дневник есть? Или ты и в школу не ходишь?

– Хожу, че не хожу-то.

Покопавшись в висевшей на худом плече сумке с облезлой надписью «AVIS», пацан протянул тренеру дневник в изрядно поцарапанной полиэтиленовой обложке.

– Угу, – буркнул тренер. – Годится. Ага, школа номер... понятно... в седьмом классе? А чего мелкий такой? Ладно, не журись, курсант, подрастешь, какие твои годы. Справку-то от врача взял? Ну что ты не сердечник, не эпилептик и все такое.

– Там, – мотнул головой пацан.

Из-за обложки была извлечена требуемая бумажка. Тренер мазнул по ней взглядом, нахмурился.

– Как-как фамилия? – Он прищурился, всматриваясь то в справку, то в обложку. – Якут-кин?

– Якушкин, – угрюмо поправил пацан.

– То-то я смотрю, какой из тебя якут, – неловко пошутил Степан Анатольевич и кашлянул, вроде и не говорил ничего: насмешки над именами и фамилиями он сам же пресекал, и достаточно сурово. – Извини. Пишешь как пьяная курица лапой. Ладно еще врачи, их каракули без криптографа не прочитаешь, а ты-то мог бы и постараться, школьный дневник – какой-никакой, а документ. Ну и фамилия обязывает. Неужели не слыхал? Декабрист такой был. Не столь известный, как Пестель или Трубецкой, но тоже заметный. На площади не был, правда, однако царя убить собирался. Когда друзей его после восстания в крепость посадили, он их освободить хотел, ну и царя заодно... того. Двадцать лет каторги получил. Героическая, в общем, личность, хотя по портрету не скажешь. Вроде тебя, короче. Ладно-ладно, не бычься. Звать-то тебя как? Слепну, твои иероглифы разбирая.

– Вячеслав, – буркнул новичок, недобро прищурившись, и в худом лице, обрамленном не слишком опрятными темными волосами, вдруг действительно проявилось нечто татаро-монгольское.

– И вправду – якут, – засмеялся кто-то из отвлекшихся от занятий ребят.

Степан Анатольевич еще сильнее нахмурился, явно собираясь одернуть шутника, но вместо того чтобы набычиться еще сильнее, новичок наоборот словно бы повеселел. Поджатые губы расслабились, на них мелькнуло что-то похожее на улыбку. Пацан хмыкнул, сплюнул сквозь неровные зубы. Ну то есть не сплюнул, вид сделал – всухую.

– А вот этого чтоб я больше не видел, – брезгливо поморщившись, тренер указал взглядом на «плевок». – Ясно?

– Ясно.

– Ну пошли, что ли? – махнул ему Гест.

Раздевалка была просторная, однако шкафчики выстроились не только вдоль стен, но и длинной змеей посередине – народу в секции занималось изрядно. Эти списанные шкафчики Степан Анатольевич добыл в каком-то детском саду. Мальчишки сперва изобразили недовольство – вишенки-грибочки-ежики, что за слюнтяйство, мы тут серьезным мужским делом занимаемся, а в раздевалке сопливые рисунки! Но тренер только хмыкнул. Притащил откуда-то (откуда-откуда, из порта, вестимо) шаровую краску и кисти. Благоустройвайтесь, сказал. Покрашенные в сизо-стальной шкафчики стали выглядеть почти внушительно и уж точно не «малышово».

Свободных оставалось еще с десяток.

– Выбирай.

Новичок выбрал крайний, у выпирающего из стены вентиляционного короба. Замер на мгновение, потом спросил:

– А ты давно тут?

– Второй год.

В темных глазах мелькнула искра заинтересованности. Да что искра – пожар лесной полыхнул!

– Покажи че-нить!

– Что именно? – Гест сделал вид, что не понял, хотя чего не понять, все новички одинаковые, каждый уверен, что, если над дверью написано «карате», тут кирпичи в пыль колошматят и выключатель пяткой нажимают. Кстати, включить свет ударом пятки Валентин вполне мог, иногда даже и развлекался подобным образом. Но чувствовал себя при этом донельзя глупо. Потому и изобразил на лице равнодушно-выжидательное непонимание.

Пацану, однако, не терпелось:

– Ну... типа...

Сурово сведя брови, он подскочил, махнул ногой, видимо, пытаясь изобразить маэ тоби гэри – удар ногой в прыжке – или что-то вроде. Все новички почему-то именно так представляют себе будущие «достижения»: скакать аки Брюс Ли и его подражатели. А на деле – лягушка, как есть лягушка. Да еще скрюченная непонятной судорогой. Какой там Брюс Ли, тут и выключатели от хохота перекосятся.

Гест перехватил «лягушку», легонько подтолкнул, сунув «поклонника боевых искусств» в щель между шкафчиком и боковой стеной. Подержал там с минуту, вытащил – бережно, почти нежно, демонстративно отряхнул.

– Не ушибся?

– Так нечестно! – возмутился новичок.

– Слушай сюда. Тебе хочется, как в кино, да? Бемц, бемц, кийя – и двадцать нападающих вповалку лежат?

– Ну это же секция карате?

– Точно. И даже базовый комплекс будешь как миленький учить. Только все это... Ну как бы тебе попонятнее... Это чисто для физики. Растяжка, мышцы, маневренность, баланс, все такое... С тем же успехом, Савва говорит, можно было бы балетную школу разучивать, результат тот же.

– Савва – это кто?

– Савва – это Степан Анатольевич Степанов, тренер наш.

– А почему Савва?

– Без понятия.

– А я думал, он этот, как его, сэнсэй, – почти разочарованно протянул пацан.

– Сэнсэй в серьезных секциях, где чисто карате, а нас Савва на все подряд натаскивает.

Парнишка думал долго, с минуту. Соображал, должно быть, не отправиться ли на поиски «серьезной» секции. Но любопытство (а может, впечатление от легкости, с которой Гест его «развернул») пересилило:

– И че, правда, что ли, балет?

– Про капоэйра слышал? Это бразильский, ну, типа танец, но на самом деле вполне себе боевое искусство.

– И че, они тоже... – Пацан опять дернулся в попытке изобразить лягушку.

– Слушай, как там тебя, Вячеслав...

– Да пусть будет Якут, норм погоняло. Не обидное, а наоборот.

– Слушай, Якут. Все эти прыжки и прочая красота – для спортзала. Или для кино. Постановка. Не, я не спорю, если на того же Брюса шобла налетит, он, скорее всего, их раскидает. Но ни ты, ни я – не Брюс Ли. И никогда такими не будем. Он этим всю жизнь занимался, понимаешь? Только этим и больше ничем. С медалями и прочими поясами – та же фигня. Савва всегда говорит: если увижу у кого-то потенциал, сам напишу рекомендации в нормальную секцию. Кстати, у тебя-то как раз данные очень даже ничего. Легкий, верткий, растяжка природная, прыгучесть... Ну, мышцы и рефлексы до ума довести – дело наживное.

– И че, я типа смогу...

– Сможешь. А толку? Ты ж не за чемпионством сюда пришел? Любого чемпиона завалить – не проблема. Против лома нет приема. Трех, ну четверых, если шустрый, раскидать успеешь, а пятый тебя сзади бемц трубой водопроводной по кумполу – и готов.

– И на фига тогда?

– А на фига сюда все приходят? Чтоб по улицам ходить, не оглядываясь. Карате и прочие красивые вещи – это... ну... для жизни, если шобла наедет, совсем другое надо. Короче,

видишь большой шкаф? Подбери там кимоно себе по размеру. Пока. После свое купишь. И, это... мойся почаще. Можешь здесь, вон дверь в душевую.

– Это типа правило, что ли?

– Сам поймешь. Когда вся толпа занимается... ну свежий пот еще ниче так пахнет, а часа через три хоть противогаз надевай... И ногти на ногах обрежь, Савва увидит, на неделю из зала выгонит.

Новичок оказался, хоть и мелким, и довольно слабосильным, но выносливым: после ознакомления с базовым комплексом потом от него несло не больше, чем от самого Геста. И движения повторял на диво ловко с первого раза.

Поглядывавший на них Савва одобрительно хмыкнул:

– Не хочешь отдохнуть?

Якут помотал головой.

– Ну гляди. Тогда... Гест, попробуй его в спарринге. Десять минут.

Гест решил, что ослышался:

– Спарринг? Вот прямо сразу?

– Пусть нападает – как хочет. Ты только отвечаешь. И попроще. Что-то мне думается, новичок нас всех удивит.

Ох, вспоминал Гест два дня спустя, воистину – если бы Савва не затеял дурацкий этот поединок! Новенький показал себя неплохо, для первого дня даже блестяще, так что те, кто поначалу только взглядом равнодушно мазнул, теперь оборачивались гораздо чаще. Да и народу в зале прибавилось – день почти уже превратился в вечер. И всем было любопытно.

Поначалу спарринг никаких неожиданностей не предвещал. Якут моментально отринул все свои киношные представления и «полез» по-простому: то двинуть в живот пытался, то за ногу дернуть, то со спины зайти. Вертелся ужом, прыгал лягушкой, но уже не скрюченной, а вполне бодрой. Пацаны, отвлекшись от собственных занятий, подтянулись, зыркали, цыкали, перешептывались – кто одобрительно, кто недоверчиво. Гест уворачивался, парировал – старался не переусердствовать. И в какой-то момент все-таки ошибся. Надо было просто уйти из-под удара, а он поймал атакующее движение, продолжил его, демонстрируя, что атаку можно легко превратить в падение...

Якут брякнулся на татами спиной, извернулся, подскочил мячиком – глаза сверкали, он рвался продолжать бой!..

По рядку наблюдателей прокатился смешок...

Гест глянул – на штанах новичка расплзлось мокрое пятно...

Савва подскочил, принялся щупать пацану поясницу:

– Ударился? Так больно? А так?

– Да ниче я не ударился! – зашипел тот. – Нигде не больно! – Вырвавшись, он пулей унесся в раздевалку.

На следующее утро – было воскресенье, и Гест явился в секцию пораньше – дверца выбранного Якутом шкафчика «украсилась» изображением ночного горшка.

Авторство сего «шедевра» принадлежало, конечно, Рудику, других художников у них не водилось. Рисунок был нарочито корявый, но сомнений не возникало. Невозможно притвориться мастером, если ты чего-то не умеешь. Но ничуть не легче будучи мастером притвориться, что – не умеешь. И еще. Когда вчера Якут после броска поднялся в мокрых штанах, Рудик был одним из тех, кто хихикал. И ночной горшок – да, это пакость вполне в его духе.

Между рядами узких серо-стальных шкафчиков клубился народ. Мальчишки переодевались, но больше шептались и хихикали: свидетели вчерашнего явления новичка делились впечатлениями с теми, кому «не повезло». Нет, ну в самом деле – цирк ведь: пацан, явившийся с улицы, производит такое впечатление на тренера, что тот чуть не на пьедестал его поднимает... И тут – бемц! Мокрые штаны. Умора!

По правде говоря, Гесту и самому было смешно. Да и рисунок на дверце шкафчика – шутка вполне безобидная. Могли и чего пожестче учудить – к примеру, повесить на эту самую дверцу мокрую тряпку. Не штаны, конечно, – за неуважение к форме Савва мог вломить по первое число, в смысле отстранить от занятий на неделю. Ничего, над новичками всегда подшучивают, это закон. Якут показался ему парнишкой неглупым, так что вряд ли он полезет в бутылку. Вот бы тот тоже пораньше пришел, интересно было поглядеть, как онотреагирует...

Дождлся. Поглядел. Никак.

То есть совсем никак. Якут словно бы не заметил, что на дверце его шкафчика что-то нарисовано. Не кинулся в драку, не завопил «кто?!», тем более не расплакался от обиды.

Вытащил из висящей на плече сумки белые штаны (должно быть, носил домой стирать), дернул дверцу, снял с крючка кимоно, посмотрел на него пару мгновений, бросил сумку на дно шкафчика – и принялся переодеваться. Спокойно, деловито, равнодушно. Гест стоял неподалеку и успел заметить, что, когда Якут доставал кимоно, ноздри его чуть дрогнули – принялся он, что ли? Или показалось?

Общие тренировки Гест любил. Но в это воскресенье то и дело получал втык за невнимательность. Мыслями он был отнюдь не в зале. Он... вспоминал. И, страшно сказать, Якуту... завидовал. Вот бы такую выдержку! Представлял себя на его месте – смог бы он вести себя подобным образом после нанесенного удара? Не просто сделать вид, что ничего не произошло, а излучать это самое «ничего» во все стороны? Смог бы?

Случай проверить себя представился очень быстро.

После базовой тренировки мальчишки ломанулись в раздевалку – кто торопился домой, кто просто попить. Скидывали кимоно, обтирались мокрыми полотенцами. Промежуток между серо-стальными рядами заполнился блестящими от пота телами.

Еще не дойдя до своего шкафчика, Гест увидел, что его дверцу покрывают коричневые пятна и разводы. К тому же она воняла. Так пахло на соседнем пустыре, облюбованном местными собачниками в качестве места для прогулок. Убирать за собой никто из них, разумеется, даже и не думал, чай, не в европах живем!

Так что собачьих «сюрпризов» там скопилось – не только дверцу одного шкафчика вымазать, а хоть всю секцию ровным слоем «покрасить».

Но – как? Когда? Якут же все время в зале был! Или – не все? В том, что «художества» – дело рук Якута, Гест не сомневался ни на мгновение. Но – почему? Неужели он обиделся вчера? Решил, что это Гест виноват в его позоре во время спарринга? Или что ночной горшок на дверце – Гестовых рук дело?

Стоит возле своего шкафчика, что-то в сумке ищет. И в сторону Геста даже не смотрит.

Валентин чувствовал этот «не-взгляд» всей кожей. Вот он, оказывается, секрет железной выдержки! Нет никакой необходимости стискивать зубы, прикусывать язык и старательно держать, как говорят англичане, «твердую верхнюю губу». Ничего этого, оказывается, не нужно. Ты просто столбенеешь, не в силах шевельнуть ни единым мускулом – в том числе и теми, что на лице. Застываешь ледяной статуей. И время вокруг тебя застывает. Плотный вязкий кокон. Такой плотный, что кажется, будто ты вдруг оглох. И глухое это безмолвие, и кокон застрявшего в одном кратком мгновении времени не только охватывает тебя – расплзается. Копишащиеся вокруг фигуры застывают: сперва те, что рядом, потом следующие, за ними совсем дальние. И вот уже вся раздевалка – как иллюстрация финальной сцены из пьесы Гоголя «Ревизор», что недавно проходили на литературе: в центре застывший столбом с распростертыми руками городничий, потом превратившийся в вопросительный знак почтмейстер, ну и прочие в том же духе. Вся сцена – как музей восковых фигур. Ни разговоров, ни смешков, ни движений.

Краем глаза Гест заметил возникшего на пороге раздевалки Степана Анатольевича. Телепатически он, что ли, учуял беспорядок? Или просто услышал накрывшую всех тишину?

Подошел, молча скользнул взглядом по изображенному на шкафчике новичка горшку, оценивающе принюхался к субстанции, покрывавшей дверцу Гестова шкафчика, дрогнул бровью, хмыкнул коротко.

– Значит, так. Якушкин...

– Якут, – буркнул тот тихо, но Савва услышал, конечно.

– Ну Якут так Якут, не возражаю. Пока Якут отмывает шкафчик Геста, Селин ликвидирует... искусство на дверце его шкафчика.

– Почему я-то? – занудил Рудик.

Тренер взглянул на него так, как могла бы операционная медсестра смотреть на объявившегося в ее стерильном царстве таракана. Верхняя губа его брезгливо вздрогнула:

– Потому что я так сказал.

Он присел на длинную низкую скамейку, тянувшуюся между рядами шкафчиков, помолчал, вздохнул.

– Я-то думал, вы взрослые мужики, а вам палец покажи, хихикать начнете. А если у чемпиона штаны будут мокрые, тоже смешно?

– Да ладно, у чемпиона! Так не бывает! – буркнул кто-то.

– Еще и не так бывает. Когда первый раз с парашютом прыгают, примерно половина с мокрыми штанами приземляется. И это вовсе не значит, что они трусливее, чем другие. Вы же помните Виталика с его привычным вывихом. Слабый сустав. Природа так распорядилась. А у кого-то слабый сфинктер в мочевом пузыре. А у кого-то, боже упаси, сердечные клапаны. Так что сфинктеры – это, дети мои, пустяк из пустяков. Жить и заниматься чем хочешь не мешает. Да чего там! Я сам лет до тринадцати в постель мочился.

– Заливаешь! – Ярик, как многие «старички», к Савве обращался на «ты».

– Сейчас – нет, а тогда... Селин, ты чего застыл? Работай давай!

– Оно не оттирается... – заканючил тот.

– Твои проблемы...

– А если пемзой? – предложил Стасик, который готов был помочь каждому и в любой момент.

– Пемза краску сдерет, – веско предупредил серьезный Генка.

– Я закрасшу потом! – оживился Рудик. – Я видел, у нас еще осталась та краска. Можно?

– Ладно.

– Степан Анатольевич, я все, – негромко сообщил Якут. – Только тряпка... воняет теперь.

Взять домой постирать?

– Да выкини просто, ветоши хватает.

Тренер еще немного помолчал, словно решаясь на что-то.

– Да, в постель я действительно мочился. Дома-то еще ничего, но отправили меня на лето в пионерский лагерь. Директорствовал там некий... пусть будет Николай Петрович... И вот стою я на утренней линейке. В центре. А рядом простыня с желтым пятном вывешена. Николай Петрович свято верил в великую воспитательную силу коллективного воздействия. Вечером я сбежал, конечно.

– И... все? Просто сбежал?

Тренер хмыкнул.

– Нет. Я за Николай Петровичем следить начал. Жена у него была – жуть, он ее боялся страшно. У жены папаша имелся, большой человек с большими связями, если бы прознал, что дочурка на мужа в обиде, со свету бы сжил. Ну она и держала его под каблуком. Может, он потому и над детьми власть свою проявлял. Это я после уж додумался. Много после. А тогда, последив, узнал, что у Николай Петровича – любовница есть! Молоденькая, тихая, послушная. В общем, навел я суровую супругу на их гнездышко. «Бриллиантовую руку» все видели?

– Это когда блондинка в гостинице вопит: «Невиноватая я, он сам пришел»?

– Вот-вот. От работы с детьми его, конечно, моментально отстранили. Облик аморале, как можно! Воткнули каким-то складом заведовать. И знаете, что самое смешное? Сперва-то я выдумывал, мечтал – пусть по земле ползает, а я радоваться буду, как ему фигово. А в итоге – ни-че-го. По барабану.

В раздевалке только и слышно было, что дыхание трех десятков мальчишеских глоток – тяжелое, словно ребята только что кросс бежали. Савва усмехнулся.

– Я даже обиделся сперва. Говорят же, что месть – блюдо, которое следует подавать холодным. А я вроде как перегорел. И никакого удовольствия от того, что обидчику моему фигово, не испытал. Но и стыдно не было. Я ж вроде стукачом оказался, так? Зато точно знал: устраивать воспитательный беспредел этот дядька точно уже не будет. Командовалку укоротили.

Гест слушал как замороженный. Мечь – фигня, толку в ней никакого. Но история была ценная. Во-первых, он осознал, что у каждого есть слабое место. Уязвимая точка. Как ключевая деталька в головоломке – нажми, и вся конструкция рассыплется. И второе, нажимать на эту точку лучше издали, чтоб на тебя не подумали.

– Рудика давно пора укоротить! – прозвучало из дальнего угла негромко, но отчетливо. – Думает, раз он талант, ему все можно!

Савва поискал глазами – кто? Усмехнулся:

– И как ты предлагаешь его укоротить? Честно скажу, я – не знаю. Либо повзрослеет и перерастет собственную глупость, либо нарвется на реальную ответку, либо... ну либо таким и останется. Вот с нашим новичком – совсем другая история. В драку не полез, истерику не устроил, кляузничать не побежал. Но и не проглотил. Определил проблему, сам ее решил. Ну поторопился, и способ решения мне кажется... не самым удачным. Но это все наживное.

– Да ладно! Чего он Рудику сделать мог? Морду набить? Вот я, к примеру, вижу, как Рудик на шкафчике гадит. Нет, я не видел, но если бы. Чего делать? Драться с ним?

По раздевалке пробежали смешки: Рудик учился уже в выпускном классе, ростом мог потягаться почти с любимым, а весом и вовсе всех превосходил.

Гесту в этот момент подумалось, что серьезный, основательный Генка сам, может, и не был свидетелем Рудиковых художеств, но знает, кто – был. И знает, что тот – ни за что не скажет.

– Веселитесь? – усмехнулся Савва. – Поддаться – единственный способ? Я вас для этого учу? Японскую поговорку все помнят?

– Даже если меч понадобится один-единственный раз, носить его нужно всю жизнь, – процитировали вразнобой десяток голосов.

– Она ведь не про то, чтобы мечом на каждом углу размахивать, а совсем наоборот. Великий китайский полководец Сунь Цзы говорил, что лучший способ выиграть войну – избежать ее. Агрессия – признак слабости. Громче всех твякают и яростнее всех напрыгивают самые мелкие шавки. Большим собакам это не нужно. Так что уясните уже: поддаться – последний аргумент. Последний, когда других не осталось. Ну как? Есть еще варианты ответить гипотетическому Рудику или остановить его, кроме как полезть с ним драться?

Некоторое время все молчали.

– Можно самому начать отмывать шкафчик, – это предложил, конечно, Стасик. И добавил тихо: – Как только Рудик уйдет.

– Подпись его скопировать! Он же все свои рисунки подписывает, вон! – это крикнул, конечно, азартный Шурка.

Савва покачал головой:

– Мне первый вариант нравится больше, но и этот ничего.

– Можно дорисовать! – звонко воскликнул обычно серьезный до угрюмости Генка.

– Дорисовать?

– Ну сделать из этого горшка, например, кошачью морду. Или броненосец. Или летающую тарелку.

Сидевший в углу Рудик даже как будто стал меньше. Гест подумал: какой Савва хитрый! Как же, не знает он, как до придурка Рудика достучаться! Взял и показал, на чьей стороне большинство! Рудик хотел, чтобы на новичка брезгливо косились, а получилось – на него самого.

– Вот видите! – Савва довольно улыбался. – Всего-то и надо было чуть-чуть включить мозг. Вон сколько идей. Кстати, об идеях. Все как-то запомнили, что новенький-то наш – талант. Может, будущий чемпион, и мы все станем гордиться, что его знали. Якушкин, хочешь заделаться чемпионом? Я могу тебя в школу олимпийского резерва порекомендовать.

– Это типа всю жизнь только тренироваться, что ли?

– Большой спорт требует и большой самоотдачи, – признал Савва.

Новичок помотал головой:

– Не. Спасибо, но я лучше тут.

– Ну смотри. Если надумаешь, рекомендацию я дам.

Не прошло и полугодя, как Якут пропал. Нет, никаких конфликтов больше не возникало, но в один прекрасный день он просто не явился на тренировку. И на следующий день его не было. И через неделю. Савва спрашивал у «курсантов», но никто ничего не знал.

Валентин тогда только что прочитал «Трех мушкетеров» и всякое себе насочинял. Думал, секция их – это братство прямо, один за всех и все за одного. А оказалось, всем на всех плевать. Мало ли, что там в книжках понаписано. Один за всех, все за одного, как же! Каждый сам за себя.

В общем, новичок просто исчез, и все.

* * *

И вот надо же, какая встреча!

Чтобы вспомнить, Валентину понадобилось не больше секунды. Но за это время из машины, со стороны водительского места, вылез еще один – не такой габаритный, как первый, однако тоже... убедительный.

– Да че с ним разговоры разговаривать? Он кто? Шишка, что ли, какая? Давай вон в Неву его скинем, пусть поплавает.

– Молодец, – улыбнулся ему Якут. – Мыслитель, – и с той же ласковой улыбочкой, не повышая голоса, выдал семиэтажную тираду: – Ты зачем, мыслитель, из машины вышел? Твое дело – сидеть и ждать команды. А если у него, – он ткнул в Геста, – ствол за пазухой? Или он Брюс Ли? Или еще что? Представь: надо рвать когти, я кидаюсь в машину... а водилы нет. Водила решил воздухом подышать и поделиться с нами своими ценными соображениями. Иди назад. Назад, я сказал. Сам поведу. И ты, – он легонько хлопнул первого по кожаному рукаву, – тоже туда, назад. Р-работнички...

Сам направился к водительской двери, кивнув Валентину, чтобы занимал пассажирское место. Кивнул небрежно, но как-то так, что не послушаться было невозможно.

– А я думал, большие мальчики сами за руль не садятся, – натужно пошутил Гест, чтобы хоть как-то рассеять висящее в воздухе напряжение.

– Стреляют обычно по пассажирскому месту. Или по задним, – равнодушно пояснил Якут. – Водительское место самое безопасное. Обычно.

– А те, кто стреляет, они никак не могут узнать, что ты сам за руль садишься?

– Выяснить недолго, – по тонким губам змеей скользнула усмешка. – Трудно узнать, когда я за рулем, когда справа, а когда сзади.

– И как, помогает?

Якут только плечом шевельнул. Что, вероятно, должно было означать: живой же покуда. Гест и сам уже сообразил, что вопрос задал дурацкий. Но как разговаривать с «этим», пока понять не мог.

– И куда ты меня везешь? – Он попытался улыбнуться.

– Испугался, что ли? – Якут коротко, негромко хохотнул. – Если б я тебя завалить решил, там бы и пристукнули. Трубу к ногам, тело в воду, все дела. Если бы допросить, в багажник бы кинули. А тебе даже глаза не завязали, сечешь фишку?

– Допросить? – удивился Гест.

– Мало ли... Может, ты не случайно попался, а тебя прислал кто-то.

– Ты серьезно?

Якут коротко рассмеялся.

– Не. Тупо слишком. Мало шансов, что сработает. Мы ж мимо могли проехать, это Ронсону полихачить вздумалось. Ну а Харя размяться тоже случая не упустит.

Значит, первого, здоровенного, зовут Харей, отметил Гест. Подходяще. Водитель, получается, Ронсон. Как зажигалка, что ли?

– Ронсон? Типа вспыхивает моментально?

– Он мужика завалил за «Ронсон». Очень хотел крутую зажигалку, увидел, как тот возле ресторана прикуривает – и пристал: подари. Ну, подрались, конечно. Ронсон малолетний еще был, так что недолго чалился. А зажигалочка-то фуфловая оказалась. Так к нему кликуха и пристала. Ну и вспыхивает, не без того. – Он помолчал, рассеянно глядя вперед, и руль поворачивал как будто случайно: влево, вправо, прямо, еще влево. Гест, хотя и знал город, сбился уже на четвертом повороте, перестав понимать, куда они едут. – Ты не очкуй, – все так же рассеянно-равнодушно заметил Якут. – Посидим, вискарика за старое знакомство выпьем.

Легко сказать! Адреналин – гормон «бей или беги» – еще играл в крови Геста. Он готов был к драке, а попал... куда? В гости к старому другу? Это почему-то пугало сильнее гипотетической драки. В драке, по крайней мере, все понятно. Мозг отключается, тело само знает, куда и как двигаться, спасибо Савве. Даже против Хари – и даже с поддержкой Ронсона – у Геста были шансы. Харя слишком большой, значит, не особо маневренный, а Ронсон... Да нет, вполне можно было если не победить, то выиграть тактическое преимущество. Кусочек времени, который позволил бы «сделать ноги». Правда, ради театра пришлось отказаться от удобных кроссовок, но даже в ботинках он наверняка бегаёт быстрее этих «бойцов». Так что перевес на его стороне, если, конечно, у них не припасены стволы. В таком случае далеко он не убежал бы. Но можно было в реку сигануть: стрелять по бликующей воде – лотерея. А если он еще нырять бы начал...

В общем, в стычке шанс уцелеть, безусловно, был. А вот с «посидеть и выпить за старое знакомство» неясно... черт его знает, как оно может обернуться. Сотня вариантов, и все непредсказуемые. Якут – этот, нынешний – вроде и понятный (бандит, конечно, но кто в наши дни не бандит?), внешне не слишком изменившийся, но одновременно – совсем другой. Старый друг, как же! В секции они, в общем, ладили, но не более того. Да сколько лет с тех пор прошло! Люди меняются. Тем более, если речь о подростке, почти ребенке, и – взрослом человеке. Отличий между ними, весьма вероятно, больше, чем сходства. Даже если считать, что когда-то Гест Якута знал – хотя бы отчасти, – это ничуть не помогает понять его сегодняшнего.

Главное, Якут ведь выжил в бандитских войнах, что в последние годы сотрясали Питер. И не только выжил, а, похоже, вполне преуспел. Значит, ничегошеньки Гест о нем не знает. В смысле – и представить не может, что у того в голове делается.

Из города они не выезжали, в этом Гест был уверен, но за окнами замелькали какие-то заборы, ворота, глухие брандмауэры – промзона?

После очередного поворота впереди выросла стена. Бумер остановился. Гест приготовился выходить, но Якут вытянул из бардачка что-то маленькое, черненькое, чем-то щелкнул – и «стена» поползла в сторону. Машина въехала внутрь.

– Добро пожаловать, – усмехнулся Якут, еще раз щелкая пультом – «стена» двинулась в обратном направлении, замыкая их в небольшом, довольно скудно освещенном пространстве.

Вдоль стен гаража тянулись аккуратные стеллажи, бетонный пол явно недавно мыли. Гесту подумалось, что такого аккуратного гаража ему еще видеть не доводилось. Но – где же тут «посидеть»? На сложенных под левым стеллажом деревянных скамеечках?

– Пошли. – Якут двинулся вперед, Гест за ним. Харя и Ронсон побрели следом.

За правым стеллажом обнаружилась дверь, с первого взгляда показавшаяся Валентину деревянной, но при открывании послышался слабый металлический звук.

– Считай, вторая линия обороны, только взрывать, – пояснил Якут. – Да и то как фишка ляжет, может и устоять... Хотя сюда только идиот сунется, но все-таки спокойнее.

Помещение за дверью раньше, вероятно, было таким же гаражом, теперь же его хотелось назвать гостиной. Или кабинетом? В дальнем углу прятался стол – явно рабочий и явно очень дорогой. Вряд ли антиквариат, но от его ящичков, бронзовых ручек и глуховатого блеска темной столешницы веяло добротной солидностью. Равно, впрочем, как и от остальной обстановки, которую можно было бы назвать спартанской, если бы не тот же витавший надо всем дух «очень дорогих вещей». Гигантский диван, даже на взгляд явно очень удобный, несколько таких же кресел, широкий низкий стол толстого темного стекла, еще один – бильярдный, лаконичные светильники. Стекло, кожа, дерево, бронза. Даже сервировочный столик переливался чем-то вроде карельской березы.

Харя и Ронсон пристроились в закутке возле бильярдного стола. Ни кожаный диван, ни виски им явно не полагались. Не по чину.

Только сейчас Гест рассмотрел бывшего приятеля. Нет, обмануло первое впечатление – изменился Якут изрядно. Не то чтобы лицо его избородили морщины, вообще никаких особых примет возраста не появилось, но казалось, что минуло не десять лет, а все тридцать. «Черт, – подумал Валентин, – ему же не больше двадцатника, он меня младше, а выглядит на сорок, а то и больше». Но почему? И тут же понял: глаза. Они не потускнели, но словно бы подернулись пеплом. Глаза мертвеца. Или, с учетом бандитских реалий, скорее – глаза убийцы. А может – и того, и другого. Веселенькая, в общем, встреча.

«Но, – мысленно усмехнулся Гест, – фарш назад не провернешь». Встреча уже случилась, не уйдешь, только и можно, что делать вид, будто ничего особенного не происходит, не произошло. Зла на него Якут вроде не держит. Подумаешь, столкнулись случайно два давних приятеля.

Он пригубил виски:

– Слушай, а почему ты тогда секцию бросил? У тебя же все получалось... лучше, чем почти у всех. Неужели разонравилось?

Усмешка у Якута не изменилась: едва искривившиеся губы, короткий злой прищур. «Чингисханом бы ему зваться, а не Якутом», – подумал вдруг Гест. И еще подумал, что вопрос задал зря. Не стоило.

– Переехал. – Ответ прозвучал неприятно сухо. – Далеко стало.

Внезапная догадка блеснула молнией. Да он же тогда сел! Наверняка! Грабеж какой-нибудь... Или, может, драка. Особенно, если в ней кто-то пострадал. И загремел наш многообещающий новичок в... как это называется, колонию для несовершеннолетних. А брошенных занятий ему жаль, ох как жаль. Зря спросил.

– Не подумай, что я выпытываю...

– Ничего, все к лучшему. – Злой блеск в глазах Якута сменился насмешливым. – Ну а ты чем нынче занимаешься?

– Университет заканчиваю.

– Университе-ет? – Это прозвучало одновременно и недоверчиво, и одобрительно. – И кем будешь?

Валентин думал меньше секунды: с одной стороны, откровенничать перед явным бандитом – опасная глупость. Но ведь и сам узнает, вот универ, вот фамилия... С другой, все-таки какой-никакой, а «друг детства», есть шанс не вляпаться. Отболтаться. И он сообщил безразлично:

– На химфаке я. Ну, химиком то есть.

– Хими-ик? – протянул Якут с той же интонацией. – Это хорошо. Звать-то тебя по-нормальному как, химик? А то я че-та забыл. Или и не знал вовсе, тебя ж вроде все по фамилии звали, Гест и Гест.

Его речь, только что правильная, вдруг приобрела отчетливое эхо «с той стороны закона».

И Валентин вдруг вспомнил знаменитого некогда грабителя Леньку Пантелеева. Не столько связанные с ним легенды (довольно жуткие, надо признать, персонажем налетчик был чудовищным), сколько имя. Леня...

Его собственное – Валентин – всегда казалось ему аморфным, бесформенным, матрас, а не имя. И уменьшительные – бр-р, еще хуже! Женоподобное «Валя», сюсюкающее материнское «Валечка». Но – Ва-лент-тин. Ва. Лен. Тин. Почему бы и не Леня? Мое имя, как хочу, так и сокращаю. И уж точно не хуже, чем университетское «Геша», произведенное от фамилии. Даже лучше, пожалуй.

Все эти мысли пронеслись в голове за долю секунды, и он сказал, обыденно, без нажима:

– Леня.

– Ленчик-химик, значит. Ты в... – Якут сделал едва заметную паузу, словно акцент поставил, – в лекарствах понимаешь?

Смысл вопроса был ясен, но Гест изобразил чайника:

– Ну я ж химик, а не врач. Смотря от каких болячек...

– От всех, – усмехнулся Якут. – Не придуривайся, все ты понял.

– Ну, положим, понял. И если ты про то, имею ли я представление о процессах производства наркотиков... ну... в общем и целом, ничего там особенно сложного. Да только... – Он замолк, пытаясь сформулировать ответ так, чтобы Якут – этот, сегодняшний, выживший и преуспевший в бандитских войнах – не убил его прямо на месте.

– Ну! – поторопил тот.

Гест усмехнулся, переводя усмешку в тяжелый, длинный, горький вздох:

– Друг у меня от этой дряни загнулся. Так что извини.

Никакого друга, которого сгубили бы наркотики, у него не было. Но это казалось удобной легендой. Понятной любому. Сработает – не сработает, как повезет, но вляпываться в наркобизнес ему хотелось меньше всего. Даже в качестве ценного специалиста.

– Дру-уг? – Прежняя недоверчиво-тягучая интонация стала насмешливой, почти издевательской. – И ты теперь типа не хочешь ручки марасть? Благородный. А если заставлю?

Валентин пожал плечами:

– Заставишь – сделаю. Только... ты ж проверить не сможешь. Мало ли чего я туда добавлю.

– Че там проверять? Отрава или не отрава? Мало, что ли, бомжей на дармовую дозу ломанутся? Вот тебе и проверка. Не помрут – значит, норм продукт сделал.

– Добавлять разное можно... – медленно, почти равнодушно, стараясь, чтобы голос не задрожал, пояснил Гест. – Например, маркеры – для тех, кто в органах сидит и мечтает тебя на горячем поймать.

– Типа сдашь? Так тебя же закопают раньше.

– Закопают, – согласился он. – А у тебя останется только первая партия... продукта. Причем меченого. И пойдешь ты, если уцелеешь, нового химика искать. И зачем тогда все вот это? Сейчас?

– Ты меня не боишься. – В голосе Якута мелькнуло что-то вроде удивления.

Или любопытства. Валентин поежился. Якут глядел на него так, словно прикидывал, какую из костей ломать первой.

– Боюсь, – признал он совершенно расслабленно, как признал бы наличие у себя двух ног. – Тебя не бояться – полным идиотом надо быть.

– Но – упираешься. Интересно девки пляшут... И на что надеешься? На то, что я по старой дружбе тебя так выпущу?

– Положим, дружбы между нами никогда не было. Но – надеюсь, да. Что мне еще остается. Только не из-за общего слишком уж короткого прошлого, а потому что ты умный.

– Это ты типа про то, что я остерегусь твоей подставы? – Якут помолчал, но недолго. – Нет, ты про что-то другое. Про то, что умные микроскопом гвозди не заколачивают?

Сравнение было популярным, но – из уст бандита? Да, правильно Гест его оценил, действительно – умный. Не хитрый, не изворотливый, а именно умный. Непростой, ох непростой. Вслух он, однако, сказал только:

– Примерно.

– Думаешь, ты ценный ресурс? И что ты можешь, микроскоп?

Валентин колебался не больше мгновения.

– Ну... к примеру, костюм твой – не Рюнель, как ты, вероятно, уверен, а копия.

Рюнель была фамилия средней руки швейцарского кутюрье, чьи творения почему-то стали невероятно популярны среди тех, кто успел перерасти пресловутые малиновые пиджаки. Кое-кто из внезапно разбогатевших «бизнесменов» уже начал и у лондонских портных костюмы заказывать. Но таких были единицы. Почему вдруг Рюнель стал считаться круче Лагерфельда, никто не ведал, и вряд ли даже сам швейцарский дизайнер знал, что среди части российской публики его имя ненадолго превратилось в символ престижа.

Валентин услышал об этом имени совершенно случайно. Во время очередной преферансной «битвы» познакомился с парнем из Техноложки, который часами мог разглагольствовать о тайнах мира высокой (и не очень) моды, секретах ведущих (и не очень) кутюрье и любопытных подробностях применимости и неприменимости в этой сфере различных материалов. Валентин тогда даже курсовую по прикладным технологиям написал, что было необязательно, никто даже не старался, почему изумленный препод и поставил ему зачет автоматом.

– Да что б ты понимал! – взвился услышавший его реплику Ронсон. – Вякает тут...

На подручного Якут цыкнул, а на Валентина поглядел без раздражения, даже с интересом:

– Копия, говоришь? Фуфло типа мне впарили?

Тот усмехнулся, помотал головой:

– Очень хорошая копия. Если честно, тот редкий случай, когда копия лучше оригинала.

– Как это?

– Ну... Рюнель использует только натуральный лен, бзик у него на природных материалах, так что костюм через полчаса становится... не то чтобы как корова жевала, но в этом духе. Льняные шмотки – вообще слезы в смысле практичности. А твой костюмчик... ты же его не пять минут назад надел, да? А выглядит, как на витринном манекене. Значит, ткань с добавкой лавсана. Добавка крошечная, процента три, может, а результат... ну сам видишь. Подкладка, думаю, тоже не из чистого шелка – с добавками технологическими. Потому что чистый шелк...

– Да понял, понял, не дурак, – оборвал его Якут. – Че, и в самом деле настоящие так мнутся?

– Не то слово.

– А чего ж тогда... – начал было Якут, но прищурившись, рассмеялся. – Понял. Типа я такой крутой, что могу этих костюмов двадцать штук иметь и переодеваться каждые полчаса?

– Наверное, не знаю. Я не маркетолог, а химик. Но изготовлено – чтоб ты насчет «фуфла» не сомневался – изготовлено отменно.

– И много ты еще такого интересного знаешь?

Гест пожал плечами.

– Смотря что считать интересным. Мне лично информация про рюнелевские копии и про необъяснимую моду на этого швейцарца кажется всего лишь забавной. А другое, что я считаю интересным, для тебя будет пустяком.

– Логично. Но... – Якут усмехнулся. – Но интересно. Так что давай за встречу, что ли? – Он щедро наплескал виски в низкие толстодонные стаканы. – И чего ты все на часы косишься? Жена, что ли, ждет?

– Мама.

– Не парься, мы недолго, потом Ронсон тебя отвезет куда скажешь.

Отвозил Геста, правда, не Ронсон, который успел к тому моменту уже изрядно залить стресс от Якутовского разноса, но довезли и впрямь в момент.

Мать действительно попыталась затеять очередной разговор по душам (не столько по поводу позднего возвращения, сколько из-за запаха спиртного и «очевидного» дурного влияние Лели), но Валентин только отмахнулся. Ему нужно было подумать. Ясно, что Якут на него, попросту говоря, глаз положил, и как теперь все сложится, когда он стал Ленчиком-химиком?

Лелю он решил не пугать, рассказал только про новое имя, от которого она пришла в полный восторг. Да, ее приводило в восторг, похоже, все, что Валентин делал. Но ему это было приятно.

– Леня... – задумчиво мурлыкала она. – Ленчик... Ленечка...

Она играла с новым именем так увлеченно, что ему казалось: нежный язычок касается не перекатывающихся мелодично звуков, а – его самого...

* * *

Якут глядел в зеркало прищурясь, словно не собственное отражение там было, а кто-то посторонний, почти незнакомый. Ну что, приятель, добрый стал, прямо мать Тереза, а? Может, начнешь старушек через улицу переводить?

Тебе в руки свалился химик – знакомый химик! И вместо того чтоб усадить его в «кухню», где химику самое место, ты... ты – что? Сделал вид, что поверил в байку о загнущемся от дури друге? Ладно, типа, дорогой, бог с ней, с дурью, найдется, кому варить. Но ведь кому рассказать – на смех подымут, не может быть, что Якут – сам Якут! – на такое способен.

Еще как способен! В сказочку про погубленного наркотой друга он, конечно, не поверил ни на мгновение. Да если бы и поверил, подумаешь! И не таких «благородных» через колено ломали. Но... в «кухню» можно и абы кого посадить. Прав внезапно обретенный «друг», невелика премудрость. Это все равно что какого-нибудь Фаберже посадить серийные колечки клепать: Фаберже-то справится, конечно, но хозяин, его к «делу» приставивший, идиот выходит. Молоток может быть железный, может быть каменный, но делать молоток из платины – бессмысленное расточительство. Этот Гест слишком умный для такой тупой работы.

Умный и потому опасный. Подставить действительно может.

Но это-то пустое. Якут и сам не дурак. Умнее подавляющего большинства тех, с кем приходится сталкиваться. Вон с каким удивлением Гест сказал: «ты умный». Польстить хотел, конечно, но сказал-то искренне!

Приятно. Хотя удивляться было нечему.

Во-первых, он ведь старше, чем Гест думает. Они там, в этой секции, как-то сразу приняли его за младшенького: мелкий, в седьмом классе... Все и решили, что ему лет тринадцать, если не двенадцать. Гесту как раз четырнадцать стукнуло, всей секцией газировку пили, а потом кто-то на задворках еще и пиво вытащил – Савва безобразие обнаружил, конечно, втирал что-то про молодые растущие организмы. А Якуту – ну второгодник вечный, что ж поделать! – уже шестнадцать было, почти семнадцать, он и паспорт уже давно получил. Тогда паспорт в шестнадцать лет давали. Потому и за ту драку загремел по-взрослому.

Забавно. Окружающие вечно оценивали его возраст неправильно. Сперва считали младше, теперь – наоборот. Всем кажется (должно быть, из-за статуса), что ему лет сорок. А ему и до тридцати еще не близко. Хотя внутри, в голове, Якуту было даже и не сорок – все шестьдесят. Большинство окружающих – в том числе признанные «авторитеты» – казались малышкой.

Рубили сплеча, не вникая, как левая пятка захочет. Ведь это же моя левая пятка! Значит, решения, ею подсказанные, правильные! Как считал дурак Рудик, изобразивший на его шкафчике обидное. Или как он сам, когда мазал шкафчик Геста. Тоже дурак был.

Ну а во-вторых (и в главных!), он давно понял, что если стараться, то и на рояле можно выучиться играть. Моцартом, ясное дело, не станешь, коли таланта не отсыпали, но играть-то будешь! Среди тех, кто не знает, с какой стороны к роялю подходить. Вот в чем штука.

Савва правильно тогда все объяснил: кинулся ты, мальчик, не разобравшись. Глупо. И это Якут запомнил. Быть глупым оказалось не то чтобы стыдно – неудобно. Перед собственным отражением в зеркале, перед собственными мыслями – темными, когда почти засыпаешь уже и мерещится всякое.

Рудик ему никогда не мерещился: ни после секции, ни... потом.

Найти его – сколько лет спустя? пять? семь? – было совсем нетрудно. Тот подрабатывал, малюга какие-то рекламные плакаты: грудастые телки с тазиками пельменей, рога избытия, похожие на кривые морковки – художником Рудик оказался так себе. И полуподвал, изображавший студию, вполне красноречиво о том свидетельствовал.

Якута Рудик узнал моментально:

– О! Какие гости! Зассыха явился! Ну проходи, садись куда-нибудь. Вон на диван. Только не намочи смотри! – Он заготовал.

Якут смотрел на лицо, успевшее обрюзгнуть за недолгие, в сущности, годы, и – Савва был прав – не чувствовал ни злости, ни обиды. Ничего. И о мести он не мечтал. Вообще. Просто нужно было вернуть старый долг.

Так что садиться он, разумеется, не стал. У него было дело. Не «око за око», не «наказать, чтоб не гадил», не восстановление мировой справедливости. Хотя насчет последнего – что-то в этом было. Равновесие.

Честно говоря, если бы дурак Рудик не принялся гоготать, ничего бы и не случилось. Ведь пришел Якут, потому что хотелось просто посмотреть. Савва тогда сказал: либо поумнеет, переменится, либо... нет.

Оказалось – нет. Каким ты был, таким ты и остался, Рудик, художник от слова «худо».

Слушая его насмешки и гогот, Якут нутром чуял – правильно, что пришел.

Он ломал придурку пальцы – один за другим, медленно – и брезгливо слушал, как тот воеет сквозь кляп, сооруженный из подручных материалов, вроде бы из половой тряпки. Крови было немного.

Закончив, почувствовал острый, как нашатырь, запах и увидел, что штаны у Рудика – мокрые. Неудивительно, впрочем, когда человеку больно (очень больно!), тот не только описаться-обкакаться, даже и блевануть может, Якуту такое видеть приходилось. И насмеяться над обоссанными Рудиковыми штанами он не стал. Другой, может, и кинулся бы – такая возможность поквитаться: ты надо мной смеялся, а теперь сам! И кто тут зассыха?! Но Якут –

не все. Никакого желания поквитаться он не испытывал. Просто было дело, которое требовало завершения.

Кляп он перед уходом выдернул:

– Будешь орать, башкой о батарею приложу, ясно?

Орать Рудик не стал – похоже, голос сорвал, а может, просто испугался. Якут вытащил из-под наваленного на подоконнике барахла телефонный аппарат, набрал ноль-три, сказал, что произошел несчастный случай, назвал адрес.

Рудик скрючился в углу и скулил, баюкая перекореженные свои ручонки.

Уходя, Якут не оглянулся. И дверь не запер, только прикрыл. Выйдя во двор, встал поодаль, подождал, понаблюдал, пока не приехала «скорая». И ушел, думая: если Рудик поведет, руки ему худо-бедно соберут, все-таки не вдребезги он эти косточки ломал. Ломал, а не дробил. Могут и восстановить. А не выйдет... ну, значит, судьба у Рудика такая. Если он и вправду художник – в зубах кисточку держать научится. А если так, мазила... Впрочем, последующая Рудикова жизнь – хоть с кисточками, хоть без – Якута не занимала совершенно. И он ни на грамм не боялся, что свежеиспеченный калека стукнет в ментовку. Не логически не боялся, а нутром знал – не стукнет. Не осмелится.

Поглядел на подъехавшую «скорую», вышел из Рудикова двора – и забыл моментально. Только вот сейчас вспомнилось.

Просто по ассоциации: Гест – секция – Рудик. Хотя более бесполезного существа еще поискать.

Вот Гест – совсем другое дело. Дурак Якут будет, если не сумеет старого знакомого к делу пристроить.

Придумывать, как использовать людей, он давно научился. Начал учиться с того самого момента, когда тренер одним движением брови утихомирил всех. Вот бы мне так уметь, подумал он тогда с откровенной завистью. Не потому что власти хотелось – что от нее толку, от власти самой по себе? Но если ты умеешь «так», значит, от любого получишь что-то для себя полезное. Ведь использовать можно почти каждого – кроме разве что такого никчомушника, как Рудик. Даже болван, дважды два не помнящий, на что-то сгодится. Те же Харя и Ронсон – невеликого ума ребяташки, так что и проблемы способны лишние создать: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. А еще ведь не только себе может лоб-то расшибить. Но и от таких, если с умом подойти и лишнего не ждать и не требовать, пользу получить вполне реально. На их месте могли бы – могут! – быть другие. Тот, этот, без разницы. Пешки. Они ничего не значат.

Вот Гест – этот значит. Непонятно пока, к чему его приставить, но тут вопрос времени, надо лишь придумать.

Так что дело вовсе не в том, что такой умный может подставить. Якут – не дурак, и придумать, как избежать подставы, уж как-нибудь сообразил бы. Но глупо это, глупо. Нерационально. От этого... Ленчика навару можно куда больше получить. Соврал он, кстати, про имя. Только выяснять неохота, но точно соврал. Да и пусть. И так никуда не денется, если не пугать чересчур. Денег мальчику хочется – это к гадалке не ходи. А уж как его к делу приставить – Якут придумает. Надо осторожно, чтоб и не отпугнуть, и в реальный криминал не затянуть (в легальной жизни от него куда больше толку выйдет), и в то же время привязать покрепче, чтобы не на год, не на два – надолго.

Было и еще кое-что, кроме возможности использовать столь внезапно нарисовавшегося старого знакомого. Якут до сих пор чувствовал себя немного перед ним виноватым за изгвазданный дерьмом шкафчик. Он тогда... поторопился. Грубо говоря, кинулся с ножом на человека, который всего лишь протянул руку для рукопожатия. Руку, в которой не было оружия. А ты, глупый пацан, у страха глаза велики, увидел в этой руке – нет, даже не нож, здоровенный

магнум. Или гранату с сорванной чекой. И потому тебе до сих пор... неловко. Не перед Гестом-Ленчиком ты виноват – перед самим собой. Нехорошо быть дураком. Стыдно.

* * *

– Что это? – Мать смотрела на выложенную на стол синенькую книжечку так, словно Валентин принес в дом путевку на космическую станцию: и почетно, и радоваться надо, но – этого же не может быть!

– Диплом, мам.

– Но Валечка, как же... Ты ведь говорил, в субботу...

Сегодня был четверг. Диплом – новенький, пахнувший типографией и дерматинном – лежал в кармане уже почти неделю.

– Мам, ты только не сердись, ладно?

Она вдруг поняла:

– Ты... ты не хотел, чтобы мы приходили на вручение дипломов, да? Мы с отцом столько ждали этого дня. – Мать укоризненно качала головой. – Как ты мог так с нами поступить!

– Мам... было бы смешно. Никто родителей не привел, понимаешь? Или ты и на работу устраиваться меня за ручку поведешь?

Обида матери моментально растворилась в озабоченности:

– Нет, конечно, нет. Я всегда учила тебя быть самостоятельным. Хотя теперь уже и не знаю. Распределение ведь отменили? Как ты станешь работу искать... Я спрашивала у знакомых, но...

– Не беспокойся, мам, я уже устроился, – засмеялся он и назвал один из проектных институтов. – Зарплата, правда, скромная, но как-нибудь.

– Да неужели?! Как тебе удалось? Это ведь очень солидное место! И тебя вот просто так взяли? Без рекомендаций, просто так?

Валентину было немного смешно. Неужели мать не видит, что привычный уклад не вернется?

В отделе кадров «очень солидного места» немало удивились, когда он туда пришел. Начальник, принимавший его документы, покрутил недоуменно лысоватой головой: вы же понимаете, что оклады у нас невеликие? И добавил смущенно, что, бывает, задерживают, времена-то сами видите какие.

Времена были действительно диковатые. Какой там привычный уклад, какая стабильность! Все предыдущее вдруг стали называть «застоем». Слово было обидное: Валентин вовсе не считал время своего детства застойным. Спокойным – пожалуй, особенно по сравнению с нынешним бурлением. Что выйдет в итоге этого бурления, не смогли бы сказать даже десятки астрологов и экстрасенсов – их много повылезало в последнее время. Вернется ли все на круги своя или наоборот, на обломках «застоя» вырастет и разжиреет загадочный зверь по имени «рыночная экономика»? А черт его знает! Так что пусть новенькая трудовая книжка лежит в отделе кадров когда-то внушавшего уважение проектного института – лежит, каши не просит. Самому же «лежать» не хотелось. Вот так полежишь, подождешь, чего там завтра принесет – и тю-тю, поезд ушел, а ты тут... мхом обрастаешь.

Он появлялся в «конторке» изредка – когда из скудных зарплатных закровов вдруг начинала течь тоненькая струйка. Расписывался в ведомости, отдавал лысому пачку похожих на конфетные фантики бумажек и пропадал до следующей «зарплаты».

Денег Гесту и без того хватало. И времени свободного тоже. Якут загружал его не слишком сильно. Берег, что ли? Или периодические «консультации» профессионального химика и впрямь дорогого стоили?

Правда, однажды стало страшно: Якут попросил сравнить два образца героина. И отказаться Гест не смог. Но, в конце концов, его же не процессом заниматься заставили, а всего лишь анализом! Образцы были идентичны – за одним небольшим исключением.

– Судя по всему остальному, специально добавили, чтобы казалось, что из разных источников.

– А источник один? Отвечаешь?

– Я химик.

Якут результатом оказался почему-то очень доволен.

Гест же тогда порядком запаниковал. Случай вроде пустяковый, но: коготок увяз – всей птичке пропасть. Только полгода спустя более-менее успокоился. Постарался выбросить неприятный инцидент из головы. Больше к «гадости» не привлекают – чего еще желать. Прочее как-нибудь само образуется. Появится шанс обрести самостоятельность, непременно появится, надо лишь внимательно смотреть вокруг, наблюдать и делать выводы.

Он прилежно изучал новорожденный рынок, искал варианты. Лезть в пекло не хотелось, но постреливали во всех «нишах», кроме совсем уж ничемушных. Конечно, авторитет Якута его прикрыл бы, только какая же это самостоятельность, если под защитой «старшего брата». И Валентин выжидал.

* * *

– Эй, химик, ты чего это? Девочки, что ли, не нравятся, или, боже упаси, брезгуешь?

Валентин вздрогнул. Да, задумываться было не время и не место.

Заморочек с «уважаешь – не уважаешь» и тому подобными искусственными сложностями он до сих пор толком не понимал, но понимал другое: в Риме веди себя как римлянин. И если тебя приглашают в баньку, непременно с девочками, не отказывайся. Ибо банька – это знак приближенности, привилегия своего рода, и пренебречь – дать себя заподозрить в нелояльности. Если не хуже.

Проститутками он не то чтобы брезговал – просто не любил их. Их фальшивую страстность, плохо скрываемое равнодушие. Резиновые куклы с небогатым набором механических фраз. Его бы воля – и вовсе никогда с ними дела бы не имел. Поэтому он старался на таких вот мальчишниках активнее предаваться чисто банным радостям. А тут, извольте, задумался. Из-за таких вот пустяков жизнь и рушится...

Мысли неслись стремительно: свести все к шутке? Но как? И быстрее, быстрее!

Он потянулся, равнодушно оглядел отдыхающих на мраморной ступеньке девиц, моментально приходя в «боевую готовность» (с чем-чем, а с потенцией у него никогда проблем не было, скорее наоборот: вроде и нет особого желания, а стояк – что твой Александрийский столп). На низком столике грудой лежали пестрые упаковки презервативов. Якут уверял, что девицы чистенькие, проверенные, но Валентин осторожничал – сказать-то что угодно можно, проще заранее «соломки подстелить». Впрочем, сам Якут тоже резинками пользовался.

Все с тем же равнодушным лицом Валентин вскрыл один из квадратиков, привычно, не глядя, натянул «паутинку». Так же, почти не глядя, выдернул к себе одну из девиц, развернул, нагнул – и методично, как актер из порно, оприходовал. Да еще и глумливую ухмылку на обращенном к Якуту лице не забыл изобразить. Девица постанывала и даже попискивала – точно как резиновая. Это было смешно, и он едва не сбился. Но удержался, завершил процесс, шлепнул по тугой попе и развалился подле Якута на прикрытом махровой простыней плетеном шезлонге.

Тот пару раз сдвинул ладоши – изобразил аплодисменты. Но недоумение с его лица не исчезло.

– И чего ж ты тогда? Для кого силы бережешь? Или и впрямь брезгуешь?

– Ни боже мой! – засмеялся Валентин. – Цыпочки миленькие, глядеть приятно.

– Глядеть? Чего на них глядеть, они тут для другого.

Гест пожал плечами:

– Скучно мне с ними.

Якут почему-то развеселился:

– Ну ты даешь, химик! Скучно ему! Это ж телки! Чего еще? Чтоб пели? Плясали? Ща скажем – и споют, и спляшут.

Валентин помотал головой, но Якута уже понесло:

– Пусть стихи читают, во! Эй ты. – Он поманил к себе шуплую рыжую девицу с неправдоподобно большим бюстом. – Стихи знаешь?

– Какие?

– Любые! Буря мглою небо кроет! Читай! Да с выражением, – прикрикнул он, когда рыжая забубнила послушно и монотонно: «Буря мглою небо кроет». – И с ритма меня не сбивай, подстраивайся, чего ты, вообще дура, что ли? Пацаны, присоединяйтесь!

Забава неожиданно пришлась разомлевшим гостям по вкусу. Девицы, сперва растерявшиеся, неожиданно навспоминали множество текстов: от «Идет бычок качается» до письма Татьяны Онегину. Особенно когда Якут объявил, что та, которая знает больше всех стихов, получит премию.

От Валентина отстали. Кое-кто даже показывал издали большой палец: мол, если бы ты не заскучал, ничего бы Якут и не выдумал, а вон ведь как весело получилось!

Он улыбался в ответ, хотя по спине все еще пробежал пакостный липкий холодок пережитого страха. В этот раз все свелось к хохме, а если в другой раз повезет меньше? Если Якут будет в менее игривом настроении? Или кто-то сдуру позволит себе подколку в духе «ты вроде и не мужик вовсе»? Самому-то Гесту на чужую дурь плевать, но – в Риме веди себя как римлянин! – с этими их «понятиями» подобное оскорбление недопустимо даже в шутку. Придется драться. Может, и убивать. Нет, физической стычки самой по себе он не боялся: былой рукопашной подготовки не растерял еще, говорят же, навык не пропьешь. А пил он совсем немного, потому не сомневался, что справится с поддавшим и размякшим от банных радостей противником без труда. И даже если придется убить – ну что ж, коли дурак нарывается, сам виноват. Вот только вдруг этот противник окажется для Якута важен?

Последствия подобного раздора предвидеть трудно. Но вряд ли они могут оказаться хорошими или хотя бы терпимыми.

В поисках решения он даже к сексопатологу ходил: не знаешь, что делать с проблемой, – обратись к специалисту.

Пухленькие щечки специалиста розовели, как у младенчика, сквозь белобрысые волосики просвечивала намечающаяся лысинка – такая же розовая. В целом добродушный улыбчивый мужичок смахивал на поросенка. На очень симпатичного поросенка. Такому не стыдно рассказать о самых интимных подробностях.

Выслушав Геста, поросенок только ручками всплеснул:

– Все бы с такими проблемами приходили! Нет у вас их, дорогой мой человек. Не-ту.

– Да как же, если я на девиц, практически воплощающих сексуальность, и формы, и мордашки, все отлично... если гляжу на них, как... ну не знаю... как на голландский натюрморт: красиво, кто бы спорил, однако слюна не капает. Потому что картина – она и есть картина.

– Ага, – почему-то обрадовался специалист. – Ассоциацию вы привели очень полезную. Во-первых, в некотором смысле съедобную. Не Колизей какой-нибудь. Значит, мало-мальский аппетит эти объекты у вас вызывают.

– Ну... я же молодой, здоровый мужик, рефлекс, наверное... Только рефлекс эти – вот правда, как на картину: умом понимаю, что все изображенное очень вкусно, но в то же время помню, что – холст и краски.

– Однако ведь вы сами сказали, что при необходимости все отлично работает. То есть нет проблем ни с эрекцией, ни с преждевременным семяизвержением, ни наоборот.

– Наоборот – это как?

– Наоборот – это, дорогой мой человек, сухостой по-простому называется. Эрекция есть, процесс – пожалуйста, а разрядки не наступает, как ни старайся. Но это не ваш случай.

Гест помотал головой:

– Если собратся – ну вроде как надо значит надо – все нормально. Только как будто не со мной. Я же не порноактер, который по двадцать раз на дню этим занимается и ему уже все до лампочки. Что со мной не так?

– Да все с вами нормально. Главная эрогенная зона – это мозг. Собственно, она же – единственная. И визуальные раздражители, и тактильные, и обонятельные, о которых многие частенько как будто забывают, хотя тут опять же не ваш случай, – это все мозг. Но все перечисленное – первый, так сказать, уровень. Как у животных. А у человека еще и надстройка имеется. Интеллект, эмоции, ну там фантазии всякие. Вам неинтересно, когда задействован только первый уровень. В этом смысле ваша ассоциация с голландскими натюрмортами очень показательна. Очень уж она... интеллектуальная.

– И что мне с этими уровнями делать?

– Не понимаю. Зачем вам с ними что-то делать? Если проблем с «надо значит надо» нет, то... Нет, воля ваша, не понимаю.

– А если кто-то заметит, что я, так сказать, номер отрабатываю?

– Вон вы о чем... Сомнительно, что публика в бане способна на такую наблюдательность. Однако, если вы этого опасаетесь... Маловероятно не значит невозможно. Люди всякие бывают. И среди тех, кого вы описали, да, вполне могут встретиться... не то чтобы интеллектуалы, а...

– Знаете такое выражение – звериное чутье?

– Забавно. Я почти то же собирался сказать. Итак, вы опасаетесь, что ваше равнодушие, хоть и скрываемое, вызовет у кого-то подозрения в вашей ориентации?

– Приблизительно.

– Любопытно, очень любопытно. Я-то полагал, что все мыслимое уже видел и слышал. Интеллект, говорят, как похоть: трудно скрыть, еще труднее – имитировать. Потому что ведь и наоборот, получается, то же самое. Имитировать, так сказать, похоть. Не физически, а эмоционально... Она заметила его интерес – тот, что выражается в глазах, а не полуметром ниже. Извините, вспомнилось. Вам-то надо именно чтобы в глазах, полуметром ниже у вас все в порядке. Хм. Давайте подумаем, как вам помочь.

Совет, предложенный розовеньким специалистом, был несколько парадоксален: если собственно процесс трудностей не вызывает, проблема в, так сказать, выражении глаз, то почему бы не попробовать в процессе думать о...

– Вы женаты?

– Нет еще.

– Ага. Как я понимаю, есть девушка, интерес к которой у вас выражается не только полуметром ниже, но и в глазах?

– Ну есть.

– Вот и думайте о ней, когда оказываетесь в сексогенной ситуации.

Глупый совет.

Да, Лелю он хотел всегда. Ну то есть когда та была рядом. Он не замирал посреди улицы, поглощенный накатившей вдруг волной желаний. Или еще где. Но когда был рядом с Лелей – да, чтобы сдерживаться, приходилось прилагать усилия.

И думать о ней, пользуясь банных девиц?! Да те даже пахнут по-другому! Нет, он старался, честно старался. Но, в общем, помогло не особенно.

Оставалось лишь надеяться, что обойдется. Когда он сумеет организовать собственное дело, походы в баньку можно будет вовсе на нет свести. Правда, отпустит ли его Якут?

* * *

После переговоров, в которых Гесту отводилась роль эксперта, пришлось, как водится, участвовать в «банкете». Девиц предоставил Якут, а вот помещение – «та» сторона. «Помещение» Гесту категорически не нравилось. Все владения Якута он знал наизусть: где ниши, где колонны, за которыми можно укрыться от случайных взглядов, а то и вовсе прилечь в сторонке – вроде как задремал от излишеств.

Здесь хватало и колонн, и ниш, вот только прятаться в них не стоило. Он тут чужой, поэтому следят вдвое: чего это он по углам ныкается, может, недоброе замышляет? Так что Гест устроился с коктейлем на некоей помеси шезлонга и диванчика, максимально отвернувшись от «коллектива» и пристроив между ног одну из девиц. Вроде как она его под коктейль ублажает. Предупредил, что может особенно не стараться – так, для расслабления, не больше. Девица, благодарно улыбнувшись, положила голову ему на бедро.

Сам он, полуприкрыв глаза, наблюдал за остальными. Потные раскрасневшиеся мужские физиономии не выражали ничего, кроме чисто животных инстинктов. На девиц было смотреть не только приятнее, но и интереснее. Он уже не в первый – и даже не в двадцатый – раз так... развлекался. Вглядывался в эти хорошенькие – а иногда и по-настоящему красивые – личики, стараясь уловить то, что скрывалось за дежурными улыбками и думая отстраненно: хорошая тренировка. Не вечно же он будет у Якута на подхвате. Мысли о собственном бизнесе пока еще не совсем оформились, но идею Гест уже вроде бы нашел. Так что умение читать по лицам уж точно будет полезным.

Лица платных девиц скрывали разное. И отвращение, и даже ненависть промелькивали в деланно безразличных или столь же делано угодливых масках. А еще покорное отчаяние. И равнодушная сосредоточенность «надо значит надо», не мешающая погружаться в собственные размышления. Чаще же всего за пластмассовыми улыбками скрывалась такая же пластмасса. Как в том анекдоте, где жена под страстно дышащим супругом размышляет: пора потолок белить или пока сойдет? Вот эта блондинка думает о новых сапогах (или, может, о шубке), вон та брюнетка искоса поглядывает на стол с деликатесами, видать, позавтракать не успела, а у той, похоже, болит зуб.

Бывало – редко – он замечал искренний интерес к «клиенту». И часто – к нему самому, черт бы их побрал. Девицы довольно быстро понимали (или просто чувствовали), что он не из этого «муравейника»: не издевается, обращается по-человечески, даже имена запоминает... А вдруг? И это невысказанное «может, это Он?» было хуже всего.

За почти два года работы на Якута Гест привык, конечно. Но все равно каждый раз, заметив эту бессмысленную надежду в профессионально распахнутых глазах, чувствовал какую-то неприятную неловкость. Как будто обманывал кого-то. Не то Лелю, не то девиц этих... Хотя уж о них-то можно было не беспокоиться. Ну подумаешь, скрываются там какие-то надежды и стремления (а кое у кого даже и мысли!), но, если серьезно, они ведь всего лишь резиновые куклы. Только пахнут не резиной, а живым телом.

Визг ударил по ушам резко, как когда-то – скрежет тормозов Якутовского «бумера» посреди безмолвной набережной.

Потом противный, мокрая кожа по мокрой коже, звук удара. Сдавленный полукрик-полустон, недовольный голос:

– Да что ты вопишь-то! Подумаешь, ущипнул.

На левой груди нарушившей порядок девицы отчетливо выделялся темно-багровый след пятерни. Девушка стояла на коленях возле развалившегося в шезлонге брюхастого мужчины:

его лицо с резкими, точно рублеными чертами могло бы показаться даже красивым, если бы не лоснилось от пота. Одна нога девушки неловко торчала в сторону – должно быть, мужик не подозвал ее, а, протянув руку, подтащил к себе за грудь. «Коленку, наверное, падая, расшибла», – отстраненно подумал Гест. След на груди он видел лишь мгновение: брюхастый, намотав на руку длинные золотые кудри, заставил свою добычу ткнуться лицом себе в пах.

– Давай, работай, ты...! Якут, ты чего-то распустил своих девок!

Все так же отстраненно Гест вдруг подумал: «интересно, этот боров плавать умеет?» До бассейна – довольно глубокого – рукой подать, опрокинуть брюхастого туда вместе с шезлонгом – три секунды. Да еще ногой в полете наподдать – прямо по красному, в темных прожилках, носу... Чтобы хрустнуло...

– Да брось ее, возьми другую, с этой я после разберусь. А товар мне не портить, если Стелка работать не сможет, убытки с тебя вычту. – Голос Якута звучал добродушно, почти лениво, но в то же время было в нем что-то угрожающее.

Гест повернул голову... и наткнулся на встречный взгляд. Холодный, без тени алкогольной мутности, направленный – на него, на Геста! Что Якут успел прочитать на его лице? Неуместный гнев и желание покарать обидевшего... Обидевшего – кого?! Стеллу, которую на самом деле Гест случайно слышал, звали Галей? Она кто? Телка, победившая в том идиотском «поэтическом конкурсе»? Никто, в общем. Меньше, чем ничтожество. А красноносый этот – важный человек, очень важный. Проклятье!

Якут едва заметно усмехнулся – так, чуть уголок рта дрогнул. И так же незаметно шевельнул головой: подойди, мол. Гест отодвинул прильнувшую к его коленям девицу – как ее? Клеопатра, что ли? – та только пискнула.

Плюхнулся на оттоманку возле Якута. Тот молчал. Ждал.

Минуты через полторы Гест, не выдержав, принялся сбивчиво объяснять:

– Да напугал он меня. Ну то есть не он, а... Знаешь, я так и не привык...

Якут остановил его коротким движением ладони:

– Не суетись, а? Значит, испугал, говоришь? – Он усмехнулся. – И о чем же ты так глубоко задумался, что тебя бабские вопли пугают?

И тут Гест почувствовал – пора. Нет, может, и не пора, но лучшего момента не будет. Надо сейчас.

– Да идейку одну кручу... Тебе-то оно без надобности, а мне показалась...

– Ну давай, выкладывай свою идею.

К делу Гест приступил осторожно, пуще всего боясь Якута рассердить. Потому что идея-то была ничего себе, но означала – собственный бизнес. Как Якут воспримет его желание завести свое дело? На волю захотел? Что еще за новости?

Но Якут, услышав подробности, развеселился:

– Жалко, ты себя сейчас не видишь. Пальчики дрожат, глазенки моргают – умора. Думал, я тебя на мелкие кусочки порежу за то, что хочешь на собственные ноги встать? Не дрейфь. Расслабься, говорю, я не против. Только скажи: в чем твой-то навар? Книжки – это ж сейчас нафиг не нужно никому... Ладно бы магазин открыть хотел, а то – библиотеку! Нет, оно, конечно, как повернуть... в книжках закладки можно делать, если ментов прикормить, неплохая точка получится... Но чтоб ты таким делом занялся – вряд ли. Значит, я чего-то не понимаю. А я не люблю не понимать.

– Какие закладки, Якут, ты что? Знаешь же – я с наркотой вязаться не стану.

– То-то и оно. Но объясни тогда – на фига?

Валентин объяснил.

– Да ладно! – недоверчиво помотал головой Якут. – И чего, думаешь, прокатит? Народу жрать нечего, а ты их эдак хитро на бабки растрясти собираешься... Хотя... – Он подумал немного. – Лотки книжные как-то живут ведь, не прогорают. Я грешным делом думал, что они

вовсе не на книжках свое отбивают. Но черт его знает... Если и впрямь на книжках, может, и сработает твоя идея. Да, голова! Уважаю. Займись. Даже интересно, что у тебя выйдет.

* * *

Верхний край подвальных окон располагался на уровне земли, так что проникавший через них свет следовало скорее называть сумраком. Пол в этом зыбком сумраке странно поблескивал.

Леля глядела на окружающее их запустение почти с ужасом:

– Господи! Но это же невозможно! Какая библиотека, Лень! Тут только фильмы ужасов снимать, все же рушится! Воды по колено!

Судя по расстоянию между потемневшим потолком и блеском внизу, по колено тут было вряд ли. Стоявший на нижней (на нижней ли?) ступеньке Гест осторожно потрогал бликующую поверхность. Потом топнул. Нет, воды было немного, на палец. Просто мокро. Ну, правда, очень, очень мокро. Как после сильного ливня.

Оценить размеры помещения не представлялось возможным. Когда лет восемь назад располагавшуюся здесь библиотеку объединили с соседней и туда же ее переселили, здешние жильцы принялись обживать бесхозный подвал, понастроив кладовок из чего попало. Взгляд выхватывал из полутьмы доски, фанеру, ржавые водопроводные трубы, неровно обломанные листы пластика. Опорные подвальные колонны и несколько брошенных библиотечных стеллажей – металлические профили, некогда выкрашенные бледно-зеленым – послужили каркасами дощатых и фанерных клетушек. Сейчас, впрочем, ими уже не пользовались. Вода подгрызла хлипкие конструкции, покрыла деревянные поверхности плесневыми разводами. Бывшие стеллажи перекосившись, торчали под немыслимыми углами, разбухшие фанерные листы выгибались во все стороны сразу, подгнившие доски едва держались на проржавевших гвоздях.

Гест не собирался брать Лелю с собой, но она так умоляюще смотрела: я не буду мешать! мне интересно!

Ей было интересно все, что он делал.

И сейчас Лелин ужас его веселил. Приятно, когда тебе под силу совершить невозможное. Хотя, на самом деле ничего невозможного тут нет. Сначала нужно ликвидировать воду, которая тут, судя по количеству плесени и ржавчины, не так уж давно. «Впрочем, осушение вполне может стать реальной проблемой», – вздохнул он.

И тут же понял, что непонятно откуда сочащаяся вода – не единственная проблема. И даже не самая серьезная.

Лучи фонарей не столько разогнали подвальный сумрак, сколько ослепили. Оказавшись в их перекрестье Гест и Леля видели людей на верхней ступеньке подвальной лестницы как смутные темные фигуры. Гест начал подниматься первым, задвинув Лелю за спину. Он был почти уверен, что те, с фонарями, их не пропустят. Чего сложного? Стукнуть по головам и сбросить вниз. Или даже просто сбросить, лестница крутая, до ее подножия докатятся лишь переломанные окровавленные куклы. Надо было не тащить Лелю за собой, а велеть ей спрятаться – хотя бы за одной из опорных колонн. Но сейчас уже поздно. Или поздно было с самого начала? Что толку прятаться, если те, с фонарями, их уже видели? Он продолжал подниматься, готовясь сам не зная к чему.

Но ничего не произошло.

Те, кто стоял наверху, чуть попятившись, оказались снаружи, за подвальной дверью.

Гест решил, что сейчас раздастся ляг – ее наверняка захлопнут!

Но – тоже нет.

Он, а следом и Леля беспрепятственно вышли под яркое августовское солнце.

Фонари, уже погашенные, были у двоих, чем-то смутно напоминавших Харю и Ронсона: один – массивный громила (но все же поменьше Хари), другой на голову ниже и раза в полтора уже в плечах. Несмотря на разницу в размерах, они очень походили друг на друга. Словно из одного стручка вылупились. Оба бритоголовые, лобастые, в черных кожанках. Гест мельком подумал, что им, наверное, жарко.

Третий был совсем другой. Кругловатое лицо его казалось слепленным из наобум выхваченных деталей: длинный лягушачий рот, свиные глаза над пухлыми щечками, тонкие, как у хорька, зубы и в довершение – тяжелый квадратный подбородок. Словно неумелый Франкенштейн сшил своего голема из чего попало. И пахло от него странно: не потом или, к примеру, перегаром, а металлом и смазкой. И к механическому, неживому этому запаху примешивался слабый душок чего-то нехорошего. Гесту нечасто приходилось обонять наркотики, разве что во время банных сборищ, а нагретый пар даже знакомые запахи заставляет звучать по-другому, но сейчас он заподозрил кокаин. Ноздри примостившегося меж пухлых щек остренького носика чуть краснели.

Куртка на «големе» была тоже, разумеется, кожаная, но куда качественнее и дороже, чем на «бойцах». Цвета темного шоколада, тонкая, очень мягкая, похоже, лайковая.

– Вы кто такие? – Надменно усмехаясь, он смерил Геста быстрым взглядом и принялся рассматривать Лелю, нехорошо прищурившись. – Потрахаться, что ль, негде? Валите отсюда, пока я добрый. А то... – Он осклабился. – Телка-то у тебя ничего...

Гест вдруг понял, что если сейчас отступит, вся будущая жизнь, все планы, все-все рухнет. Рассыплется прахом. Леля-то его простит, конечно, отступить перед явно превосходящими силами – это всего лишь разумно. Но какой же он тогда «всемогущий»?

И, шагнув вперед, так чтобы Леля оказалась за спиной, твердо взглянул в глаза этого странного персонажа.

– Я арендатор.

– Аренда-атор? – Лягушачий рот вопреки ожиданиям в усмешке становился меньше, усиливая сходство с хорьком. – Типа это твой домишко?

– Только подвал.

– Смелый какой... аренда-атор. Тебе кто разрешил сюда лезть, арендатор? – Он уже не тянул слово, а как будто выплевывал его.

Гест назвал фамилию чиновника, подписывавшего разрешительные документы. Хватило одного звонка Якута, чтобы все необходимые процедуры были проведены буквально в мгновение ока.

– Это что еще за хрен с горы?

Пришлось назвать должность и отдел.

– Из мэрии? – Длинный рот презрительно искривился, круглые глаза сузились. – Таких придурков... – Но тут он вдруг задумался ненадолго. – Из мэрии, значит... – повторил, еще сильнее прищурившись. – Ты под кем работаешь, арендатор? Платишь, говорю, кому?

Вмешивать в свои проблемы Якута Гесту, разумеется, не хотелось. Но, с другой стороны, здесь, судя по всему, именно его земля, а эта троица вперлась на чужое. То есть – не по «понятиям». Гест до сих пор толком не разобрался, как эти самые «понятия» устроены, но знал, что являться в наглуемую на чужую поляну – точно какое-то нарушение.

– Якуту. – Он ответил без нажима, почти равнодушно, однако не расслабленно, не давая повода заподозрить лишнее (воистину – лишнее!) оскорбление.

Лайковый не вздрогнул, не выругался – в общем, сохранил видимость самообладания. Но по лицу его пробежала легкая тень.

Он отстегнул от пояса тяжелый черный брусок в кожаном чехле. Мобильник, не то догадался, не то удивился Валентин. Такой же имелся у Якута. Для самого Валентина игрушка была дороговата, он обходился пейджером.

– Якут, привет! Че за дела? Как кто? Бонд, не узнал, что ли? Богатым буду! – Он коротко засмеялся, но тут же посерьезнел. – Короче, я тут свое хозяйство глянуть пришел... да домик тут один... тебе точно без надобности... жильцы кочевряжатся, так мы им... не, спалить – не вариант... Пришел, короче, поглядеть, как и чего... с людьми побеседовать еще раз... а тут хмырь какой-то, да еще с телкой. И на тебя стрелки переводит. Так базарит или... Чего?... Че за погоняло такое? Я не слыхал... Чего? – повернулся к Валентину, буркнул: – Как фамилия?

– Гест.

– Точняк, – подтвердил лайковый в трубку. – Твой, говоришь?... Ладно, ладно, не пыли. Мне по барабану, другой возьму, может, там еще и... Но с тебя причитается... Да ладно, ладно, я так, типа пошутил...

Если бы взгляды могли убивать, Гест уже просыпался бы прахом на пыльный асфальт. Но сказать похожий на представителей целого зоопарка тип ничего не сказал. Махнул своим «гвардейцам», и троица двинулась к припаркованному метрах в десяти черному «Ленд крузеру».

Через несколько шагов лайковый обернулся, повел рукой в сторону оставшегося сзади дома:

– Добро пожаловать! Без базара! – И зашагал прочь, уже не оборачиваясь.

Только глаза сверкнули. Гест поежился, словно не за ним осталось поле битвы, словно прощальный этот взгляд воткнулся в него сквозь прицел.

* * *

– Ну я Петрович, чего бурю подняли, чего надо?

Жэковский слесарь явно маялся похмельем, и ему совершенно не хотелось выяснять, почему в подвале одного из вверенных его попечению домов в последние месяцы развелось настоящее болото.

– Дык, а че хотите, домишко-то древний, трубы гнилые все, канеш, текеть. И будет течь, че я тут...

– Ну вы хоть посмотрите! – умоляюще протянул Гест. – Я заплачу сколько надо. Жильцы говорят, течь совсем недавно стало, меньше года. Да вы же помните, наверное, тут раньше библиотека была... Не в луже ведь она плавала.

– А, точно! Была библиотека! Ладно, погляжу... – Слесарь недовольно скривился. – Тока я эта, без инструмента ща...

– Вы, главное, поглядите, определите, какой ремонт нужен, а там уж...

– Ладно, ша.

Из болтающейся на плече брезентовой торбы Петрович добыл металлический массивный фонарь с раструбом на конце, пошелкал кнопкой. За стеклом заплескалась едва видимая лужица жиденького желтого света.

– Опять, блин, батарейки сели! Слышь, мужик, сбегай в палатку какую, батареек купи. Чего я с таким прожектором разгляжу? Где трубы, туда ж от окон не достает. Не, электричество-то там есть, а тока я не самоубийца его включать, когда вся проводка небось мокрая насквозь. Вот таких купи. – Развинтив фонарь, Петрович вывалил на ладонь пару толстых батареек. – И эта... пивка мне возьми, а? – В голосе слесаря прорезались просительные нотки.

Гест вытащил из сумки банку, подал страждущему. Ухмыльнулся мысленно: умный мужчина знает, откуда ждать проблем.

Петрович поглядел на протянутую ему жестянку, на Геста, опять на банку, взял недоверчиво:

– Холодненькое...

Банка опустела быстро, Гест протянул вторую.

– Ну ты даешь, мужик! – Слесарь оживал на глазах. – Уважил. Я не я буду, если не почию тебе этот подвал. Слышь, может, у тебя там, в сумке, и батарейки припасены?

– Лучше. – Гест вручил ожившему слесарю налобник.

– Эт че? – недоверчиво спросил тот.

Расправив прорезиненные ремешки, Валентин натянул конструкцию на голову, приладил, чтоб кубик собственно фонаря встал куда надо, нажал кнопку – свет был мощный, белый, видимый даже сейчас, при солнце.

– Фигасе! Видел я как-то такую штуку... – Петрович надел конструкцию, подвигал. – И руки свободны, а то, бывает, без помощника никак: один светит, другой ковыряется.

И нырнул в подвальные глубины.

Вернулся он неожиданно скоро, угрюмый, недовольный:

– Вы там сами, что ль, ковыряться пытались? Умники! Лезут, лезут, а потом – Петрович, спасай!

Гест принялся оправдываться:

– Да я даже не знаю, где там что...

– А не знаешь, нечего и лезть!

– Да не лазил я никуда! Я этот подвал сам только что увидел.

– Ну... может, и не лазил, – согласился присмиривший вдруг слесарь. – Кто-то из жильцов небось. Хотя тут такой контингент... – Он полез под обхватывавшие голову ремни, почесал макушку. – Как чего, сразу меня давай кликать, зачем бы они сами полезли... Наверное, пацанва развлекалась...

– Так можно починить или как?

– Да можно, можно, не вопрос. Там две муфты свинчены. Не до конца... Вот и хлыщет. Ща все в лучшем виде сделаем, там работы начать да кончить.

– Вы же говорили, что инструмента с собой нет.

– Ну дык это смотря какого. – Слесарь хлопнул по своей торбе, та ответно брякнула. – Не бойсь, мужик, фигня делов.

С полчаса Гест с Лелей сидели на бордюре, окаймлявшем «карман» возле одного из подвальных окон, и поддразнивали друг друга:

– Плещется там!

– Да ничего не плещется, это тебе мерещится.

– Ничего мне не мерещится, это ты глухарь. Слесарь там плещется. Он, наверное, водяной. Помнишь, в мультике? Я водяной, я водяной, никто не водится со мной!

Они догрызали нашедшийся в Лелиной сумочке бублик, когда «водяной» неожиданно возник рядом:

– Нормально все.

– Как – уже? – изумились они хором.

– Ну да. Дверь я пока замыкать не стал, пусть просохнет там все.

Когда Гест расплатился, щедро, с прицелом на будущее, слесарь, покрутив головой, вдруг предложил:

– Слышь, мужик, не знаю, чего ты там устраивать станешь, но тебе ж небось и уборщицы потребуются?

– Неплохо бы. Но сначала – пара мужичков. Там кладовок понаставили, все надо будет размонтировать и вынести. Потом уж уборщицы.

– Так я скажу там... – Петрович с явным сожалением стащил с головы фонарь, вздохнул, протянул Гесту.

Тот махнул рукой:

– Да забирай! Мне он так, для рыбалки или еще чего в этом роде – для баловства, в общем, а тебе для работы пригодится.

– Ты че, правда? – Дар обрадовал Петровича куда больше, чем полученный только что гонорар. – Во мужики обзавидуются! Ща возьму кого-нить, мы там металлолом-то мигом разнесем. И теткам скажу, чтоб завтра-послезавтра, как просохнет, приходили, так? – Похоже, он опасался, что драгоценную игрушку сейчас отберут. – И вообще, мужик, ежели чего, ты это, сразу вызывай, все сделаем в лучшем виде!

* * *

За то время, что Гест не был в любимом «гараже» Якута, здесь почти ничего не изменилось. Разве что возле компьютерного стола теперь висел японский пейзаж: длинная вертикальная полоса с вздымавшейся посередине зеленоватой волной и столбцом иероглифов справа. Изображение, довольно условное, почему-то производило впечатление куда более сильное, чем, к примеру, «Девятый вал» Айвазовского.

Однако Гесту было не до разглядывания произведений искусства:

– И представляешь, Якут, там специально какие-то муфты свинчены были, вот вода и хлестала. Ну то есть сочилась, не хлестала, но сырость как в бане, штукатурка кусками отваливается. Вовремя я туда явился. Слесарь там отличный дядька. Алкаш, конечно, но в рамках. Я ему налобник отдал, так он на меня теперь как на небесного ангела глядит, все трубы наладил, хлам с мужиками повытаскал, за две бутылки на троих, теток каких-то нагнал, чтоб порядок навели. У меня, говорит, теперь твой объект на особом контроле будет.

– Налобник? – Якут задумчиво отставил бокал с виски, взял бутылку минералки, поболтал, глотнул...

– Ну фонарь такой, с ремнями, чтоб на голову надевать. Он светит, а руки свободны.

– Типа как у шахтеров, что ли?

– У шахтеров прямо на касках, а этот сам по себе. Но да, похоже. А слесарю жэковскому такая штука реально жизнь облегчит. Он очень счастливый был...

– Эт ты молодец. Вроде пустяк сделал, а, считай, купил мужика. Дорогая штукавина-то? – Якут почему-то вдруг заинтересовался.

– Да ну! Мне приятель подарил, из Финки приволок. Китайские тоже бывают. Фигня, в общем, фонарик и фонарик, только с ремнями, и лампа светодиодная, а не накаливания, поэтому батареек надолго хватает. Бывают еще и аккумуляторные, их прямо из розетки заряжать можно.

– Чего ж такую пользительную фигню наши кооператоры еще не клепают?

– Может, кто и клепают. Фонарь-то полезный, только кому? Ну, туристы такие берут, рыбаки там... Ночью в лесу удобно.

– Туристы – баловство. Хотя тоже... – Якут явно что-то обдумывал. – А слесари вот...

– Ну, Якут, кто там будет для слесарей стараться!

– Эт хорошо. И ведь не только сантехникам такая штукавина пригодится. Автослесари – в яме-то, а?

– Ну ты даешь! Тебе-то что до автосервисов?

– Не скажи, не скажи... Короче. Ты еще такой фонарь можешь добыть?

– Да могу, наверное. У нас в продаже пока не видел, но ребят поспрошаю, привезут.

Якут недовольно сморщился:

– Не, долго. Как, говоришь, слесаря кличут? Петрович?

– Якут! – Вдруг испугавшись, Гест едва не вскочил, но диван был слишком мягким, пришлось остаться на месте. – Не трогай дядьку, а? Он такой счастливый был с этим фонарем...

– Да не бзди, не обижу твоего слесаря. Вежливо подойдем, попросим поглядеть твой подарок. Поглядеть, я сказал, а не отбирать. Есть у меня человек, танк на кухне склепать может. Не, на кухне не поместится, а в гараже – точно сможет. Вроде тебя умник, только не

по химии, а по инженерному делу всякому. Голова – во! И руки тоже. Этот... фонарь... он ведь несложный?

– Да ничего сложного: корпус, батарейки, лампочка, кнопка, ремни с пряжками. Ну, ремни, конечно, лучше эластичные.

– Это понятно. Посажу бабулек каких-нить, детали им привезут, пусть собирают... Или даже пацанов – типа кружок «Умелые руки», забота о подрастающем поколении.

– Тебе-то зачем?

Откинувшись на мягкую спинку, Якут некоторое время оглядывал Геста так, словно видел его впервые. Но не удивленно, а скорее насмешливо.

– Думаешь, я только крышей работать могу? Ну и там девочки, наркота, всякое такое...

– Якут, я не...

– Да брось! Я же вижу, не слепой. Типа грязные у нас дела. Это так, конечно, мне от моих дел вовек не отмыться, только те, кто у меня покупает, они-то не чище. А главное – все это туфта. Пыль. Помяни мое слово, вся эта вольница, кто смел тот и съел, все это ненадолго. Ну пять лет, десять, может. А там начнут гайки заворачивать. Потому что, если не начнут, ствол у каждого под подушкой лежать будет. Как на Диком Западе. Не, напрочь все не прикроют... Спрос, знаешь ли, рождает предложение. Но сейчас меня ни одна зараза к ногтю взять не может, я в любой кабинет войду... А лет через десять... Я вот про американцев читал, как ихняя братва города делила и держала. А сейчас? Не, банд хватает, но они все... в рамках. И у нас так будет, и довольно быстро, я чую, куда идет. И к тому времени хорошо бы... Опоздал я малеха, бензин весь уже поделен, не сунешься... Ладно, много чего и кроме этого есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.